

Андрей Чернецов Владимир Лещенко

Сети Зла

Сила — зло, даже если несет добро.
А если добро попало с кулаками?

Орланда и Орландина

Андрей Чернецов

Сети зла

«Автор»

2005

Чернецов А.

Сети зла / А. Чернецов — «Автор», 2005 — (Орланда и Орландина)

Вы думаете, что Мерлин – добрый дедушка с длинной белой бородой? Король Артур – благородный и мудрый правитель? А Ланселот и предводительствуемые им воины Круга Стоячих Камней – истинные рыцари без страха и упрека? Или, может быть, полагаете, что колония атлантов, Великий Тартесс, исчезла бесследно? Тогда вы глубоко заблуждаетесь! Две сестры-близняшки, живущие в Сераписе, одном из крупнейших городов дряхлеющей Римской империи, оказались нечаянно втянуты в водоворот невероятных приключений. Обвинение в контрабанде драгоценных камней и сильнодействующего наркотика – это вам не пустячок. А если еще в дело замешаны сильные мира сего, задумавшие свергнуть престарелого августа Птолемея Сорок Четвертого, доживающего свой век в имперской столице Александрии, – тут только остается уповать на всемогущих богов да на свои собственные силы. Если, конечно, не вмешается НЕКТО, пристально наблюдающий за всем, что происходит на маленькой планете Геб.

© Чернецов А., 2005

© Автор, 2005

Содержание

ПРОЛОГ	5
Часть первая. ОДНА И ВТОРАЯ	7
Глава 1. ЗАКАЗ	7
Глава 2. НА ГОРЯЧЕМ	17
Глава 3. ЗАПАДНЯ	26
Глава 4. ПОСЛУШАНИЕ	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Владимир Лещенко, Андрей Чернецов

Сети зла

Коль хорошо сыграли мы, похлопайте, и всех нас проводите с благодарностью.

Октавиан Август (Птолемей Пятнадцатый)

ПРОЛОГ

«Я видел тысяча и одну луну, и этого довольно для жизни одного человека, хотя утверждают, что пророки прошлых времен жили гораздо дольше. Я слаб и болен, я изможден и утомлен, и вздохи моей груди подобны тусклому светильнику, колеблемому ночным ветром.

Тяжесть моей души определит, где ей суждено упокоиться навеки. Но пока еще есть время, я должен успеть сказать все, что мне известно об ужасах, которые блуждают вне Мира, которые залегли в ожидании у порога каждого человека, ибо сие есть древняя тайна. И повествует она о замыслах жестоких духов из-за Пределов, жителей Великой Пустоты.

Пусть же каждый, кто прочтет этот папирус, ведает отныне, что за обиталищем людей следят и наблюдают не только боги, известные в Черной Земле, но иные боги и демоны из Детей Древних.

Знайте и то, что я беседовал со всевозможными духами и демонами, чьи имена более не вспоминают среди людей или вовсе никогда не знали. И некоторые их слова записаны здесь, но другие я должен унести с собой, когда покину вас.

Да смилостивится Анубис над моей душой!

Я видел Неведомые Земли, которые никогда не были нанесены на карту. Я жил в пустынях и безлюдных краях, я говорил с демонами и духами. Я сходил на дно морей в поисках Дворца Великих, и нашел памятники исчезнувших народов, и читал письма, начертанные на них.

Пусть же навек останутся они тайной для людей!

Ибо погибли эти племена и царства из-за знания, о котором говорится в этом свитке.

Я странствовал среди звезд и дрожал пред лицом богов. Я заставлял подниматься демонов и мертвых. Я вызывал души моих предков, я касался тайн, которые достигают звезд и касаются глубочайших недр. Я сразился в поединке с Черным Чародем Азат-Тогом, но тщетно, и я бежал на Землю, призвав на помощь Нут и ее брата Тота, и мощную Сохмет, владычицу Звездного Топора.

Когда на Та-Мери пришли войска из Ливии и восточных царств, я призвал полчища злых духов и заставил их повиноваться мне, и так я отразил Нгаа, божество варваров, которое изрыгает пламя и рычит, словно тысяча громов.

Я познал страх. Я нашел «Врата, которые ведут Наружу», через которые вечно наблюдают Древние, стремящиеся войти в наш мир. Я видел лик Тиамат – одной из Древних, Царицы Внешнего Мира, имя которой записано на скрижалях суммереху, предки которых распахнули ужасные Врата в неурочный час и были пожраны чудовищами. И тогда остров в южном море, где жили они, ушел ко дну, и бежали немногие.

И однажды я нашел формулу, которая позволила моей душе пройти через Врата АР-ЗИР и проникнуть в запретные области пространства.

И там смог увидеть я будущее, и страшным оно оказалось! Ибо видел я, как придет ОН! Увидел, как царствует ОН! Увидел, как небесные духи Ихневенмет и Имехон ловят богов ЕМУ в сети созвездий.

Странник закалывает богов ЕМУ, разрезает их и варит кушанье в котлах своих. И пожирает ОН их божественную силу, и съедает их чары.

И великие боги пойдут на утренний стол ЕМУ. И средние боги пойдут на дневной стол ЕМУ. И малые боги пойдут на вечерний стол ЕМУ.

А владыка Северного неба разводит огонь под котлами с первенцами их – для НЕГО.

А Номи настреляет к пиру ЕГО жен их.

ОН пожрет знание каждого бога, как пожрет тело его и силу его. А с людьми будет так же, как с богами.

И время ЕГО будет вечностью, а пределом ЕМУ станет бесконечность. И будет ОН во веки веков!

И будет так неизбежно, если не сумеет...»

– Ты решил повторить эксперимент здесь, на Гебе?

– Почему бы и нет?

– А вдруг опять сорвется?

– Посмотрим, посмотрим.

– И все-таки...

– Да мало ли миров в Дуате, друг. На мой век, думаю, хватит...

– Поражаюсь тебе. И откуда только черпаешь силы? Я вот уже, признаться, и подустал малость.

Немудрено, ты ведь человек. Однако соберись, мы же только начинаем.

Часть первая. ОДНА И ВТОРАЯ

Глава 1. ЗАКАЗ

Орландина проснулась от утренней прохлады. Недовольно промычала что-то, натягивая ветхое лоскутное одеяло на голову и поджимая ноги. Минут пять пыталась себя обмануть, но в конце концов осознание того, что пора вставать и от этого никуда не денешься, победило.

Досчитав в уме до десяти, она рывком сбросила одеяло, подставив тело холодному сквознячку, и вскочила, изобразив одну из фехтовальных стоек.

В жилище ее царил изрядный беспорядок, но беспорядок особый, когда вещи лежат хоть и в хаосе, но именно так, чтобы постоянно быть под рукой – на своем, известном хозяйке месте.

Широкая, почти квадратная кровать – их с Клеором супружеское ложе. Сбитая из дубовых брусьев рама с натянутыми вдоль и поперек ремнями, застеленная тонким тюфячком.

На столе миска с засохшей с вечера кашей...

Как была – в чем мать родила – Орландина подошла к высокому, в ее рост, зеркалу – тонкому листу посеребренного свинца в раме черного дерева на подставке желтого мрамора. То был единственный предмет роскоши в ее (вернее, ее мужа) домишке.

Погрозил пальчиком проказникам-ларам, показавшимся было в зеркале. И чего шалить? Всему свое время. Будет и вам утреннее возлияние с воскурением на завтрак. А ежели подсматривать решили, то... Сурово сдвинула брови. Застеснявшиеся домовята мигом исчезли.

Оглядела свое тускловатое отражение на фоне плохо побеленных стен.

Покачала головой и удовлетворенно цокнула языком – увиденное ей нравилось.

Из глубины зеркала на нее смотрела стройная худошавая (но не тощая!) девушка, пусть и не богиня во плоти, но, что называется, все при ней.

Правда, грудь маловата (она кокетливым движением положила руки на две чуть золотящиеся живые чаши), но это, что называется, на вкус и цвет...

Клеору так нравилось, что грудь полностью умещается в ладони...

При воспоминании о муже тихонько вздохнула.

– Эх, драгоценный супруг, на кого ж ты меня покинул?

Еще раз оглядела себя.

Короткая стрижка, расчесанная под прямой пробор, под челкой – задорный взгляд. Мышцы не выпирают, однако покрепче, чем у иного мужика, бедра стройные, хотя, может, и недостаточно пышные, живот плоский, с весьма симпатичным глубоким пупком. Как сказал ей супруг (ну вот, опять!), видно, что пуповину ей перевязывала искусная повитуха с дипломом.

Шрам на голени – тяжелое каро со стены Сиракуз ударило вскользь и на излете. Узкий извилистый рубец на плече – память о первом бое.

Тогда один из ворвавшихся в обоз галлов, ранив ее в руку и выбив палаш, решил тут же сделать то, что обычно с женщинами делают после боя, и, рыча, повалил ее наземь. Она тогда чуть растерялась и не успела выхватить нож. Но тут на помощь пришла валькирия Брунхильда – добродушная толстуха размозжила похотливому козлу дубиной голову.

А вот эта отметина ниже левой груди – аккуратное треугольное белое пятнышко – память о том дне, когда Орландина первый раз забрала жизнь у врага.

Тогда, у подножия вала взятых штурмом Сиракуз, на нее неожиданно выпрыгнул из облака едкого дыма воющий и рычащий нумидиец, ловко поднырнул под ее клинок и ударил длинным трехгранным стилетом прямо в грудь. Она не успела ни о чем подумать, не испугалась, даже не почувствовала боли, хотя острие, пройдя сквозь кольца хауберка, вошло в ее тело

на толщину пальца. Обычно такое оружие рвет кольца, но ее доспех выдержал, а в следующий миг шея чернокожего была перерублена почти до половины. И он не приходил к ней по ночам, а теперь вот она даже толком не помнит, как он выглядел...

Еще один шрам, тонкий, как конский волос, не очень заметный даже на ее смугловатой коже, пересекал живот от правого бедра до левого подреберья.

В тот раз она вполне могла распрощаться с жизнью, кабы не матушкины уроки. Сохранности живота уделялось чуть ли не первостепенное внимание в орландинином военном обучении.

– Почему ты у меня единственная? – частенько заводила разговоры наставница. – Я ведь рожать не могла – со своим-то животом...

И если Сэйра была в некоторой степени опьянения, она поднимала рубаху, демонстрируя всем присутствующим рассеченный вкривь и вкось старыми шрамами втянутый живот.

– Вот и подружка моя (ей под Афинами, когда тамошнего архонта-мятежника давили, живот поперек распороли) еле-еле не умерла, все кишки наружу. Ей тоже все лекаря говорили, мол, детей иметь тебе нельзя. А она очень хотела ребеночка-то. Ну и забеременела, думала, авось, боги помогут. Ну, стало пузо расти, а шрам возьми да разоидись... А перед тем еще и мучалась – больно было, когда растягивался-то. Ну, и померла, бедная, и дите не родилось... Так что, девка, береги брюхо – для бабы это самое главное, – всякий раз наставительно заканчивала Сэйра. – Как мать советую: двойного плетения спереди кольчужку закажи, и подкольчужник тоже двойной, да чтоб из стеганой кожи. Как мать, – повторяла она, – дочка ты мне, как-никак, по всем законам божеским и человеческим. Как есть дочка...

Хотя еще чуть-чуть, и все советы оказались бы ни к чему. Удар клинка в руке здорового вандала рассек и двойной кольчужный набрюшник, и даже прочную стеганую подкладку, выбранную матушкой из полусотни предложенных, и еще подправленную лагерным скорняком, прочертив обжигающую линию поперек живота.

Она подставила свой клинок под замах чужого, сумев каким-то чудом в последний момент развернуть его ребром навстречу удару. Несколько мгновений враг потратил, чтобы высвободить застрявший меч и вновь замахнуться. И как раз тогда оказавшийся рядом дан Эгмунд Ворон пришел на помощь ей, уже успевшей попрощаться с жизнью, метнув в мечника нож. Он не убил его, хотя попал в шею, а лишь ранил, но тот замешкался, заторможенный болью в рассеченных мышцах, и острие наполовину перерубленного клинка Орландины вошло врагу в кадык. Тот меч – стоимостью три вендийских слона, с вычеканенным на черной стали золотым клеймом царских кузниц кагана Ездигерда, она после боя отдала Эгмунду как вполне достойную благодарность за спасенную жизнь.

Кроме шрамов, были еще отметины, оставленные жизнью.

Две наколки.

Внизу живота, слева, неподалеку от того места, куда так стремятся мужчины, – искусно вытатуированный цветок лилии. Вообще-то знак невинности и чистоты, как объяснила ухлеbstывавшая за ней в прошлом году Зиновия из шестой сотни.

И полуженщина-полукошка Баст, с самым что ни на есть развратным видом разлегшаяся на внутренней стороне бедра. В левой руке богиня держала кубок, в правой – короткий кинжал, при этом игриво обмахиваясь длинным хвостом, пушистым и полосатым.

Эту картинку Орландина сделала в четырнадцать лет, когда отмечала с подружками свое первое жалованье. Да, хорошо она тогда повеселилась. Как раз почти все денарии («получка», как у них говорили) и ушли на вино, на закуску, на подарки и на кинжал якобы индийской стали, проданный каким-то проходимцем (ох, как жучила ее старая Сэйра: это же надо – пове-

ритель в то, что булатный клинок можно купить за два золотых!). И как раз на последнюю горсть медяков она и сделала эту наколку, за которую ей тоже попало от матушки. В наказание пришлось чуть ли не полгода питаться из обычного солдатского котла, не имея никаких лакомств.

Ладно, отставить самолюбование! Нужно заняться собой.

Как была телешом, так и выскочила во двор. А чего там стесняться. Хвала богам, а особенно мужу-умельцу, забор вокруг дома был настолько высок, чтобы надежно отгородить ее личную жизнь от назойливого внимания всяких разных зевак. И удобно, и рубаху потом от пота отстирывать не нужно.

Итак, упражнение номер один.

Орландина подбросила меч вверх, проводив взглядом вертящийся клинок, и через несколько секунд поймала рукоять в воздухе. Вернее, почти поймала: чуть запоздавшие пальцы скользнули по шлифованному рогу и оружие звонко шлепнулось наземь.

Подняв его, девушка покачала головой.

Она явно теряет форму. «Нужно следить за собой», – сказала себе, возвращаясь в дом.

Уже четыре дня Орландина пропускала тренировку, ограничиваясь получасом махания мечом и парочкой дурацких упражнений с пикой перед ужином.

Нет, конечно, она сейчас не в казарме, и вроде как может располагать собой, как хочет. Но только вот дважды за месяц хочешь не хочешь, а надо будет пройти этот самый тренировочный лабиринт от начала до конца, плюс еще контрольный бой. И все это перед светлыми глазами центурионов.

А тут уж, ежели не понравишься им, на первый раз лишат четверти жалованья, на второй – половины, а там поддадут коленом под зад, и прости-прощай служба! И что прикажешь делать, куда идти? На шее у матушки Сэйры сидеть?

К тому же на завтра ей назначено дрессировать недавно пригнанных валькирий, вместе с Эгмундом Вороном вколачивая в них азы воинской науки, – не хватало еще опозориться перед старым хреном!

Громкий удар сотряс калитку, сколоченную из корабельных обломков, и следом за этим зычный голос проорал:

– Эй, хозяйка, принимай гостя! – И почти сразу: – Э-ге-ге, Орландина, ты там спишь, что ли? Сейчас разбужу горячим поцелуем!

Лицо Орландины исказила гримаска злой досады: явился гость, которого она хотела бы видеть в последнюю очередь. Босиком выбежала в дворик и торопливо отперла сотрясаемую новой порцией ударов калитку. А то, чего доброго, половину улицы переполошит, крикун паршивый.

Перед ней стоял, широко улыбаясь, ее надоедливый ухажер Гордиан. Он был слегка пьян – не то уже пьян с утра, не то еще пьян с вечера. При этом находился в состоянии среднего добродушия.

Проводив гостя в дом, девушка решила проявить хоть малое подобие гостеприимства. Так, чуть-чуть, чтобы не слишком обнадеживать наглого парня.

– Если хочешь, поешь. Вот там каша с салом. Уж не обессудь, что боги послали, то и есть. Я знаменитых разбойников не отлавливаю. Вот, извини, только опохмелить тебя нечем: ни капли в доме нет. Не употребляю. Даже ларам приходится медовую воду подносить.

При упоминании домовичков Гордиан опасливо огляделся и сделал знак от сглаза.

– Да мне не надо, Ор, похмеляться, я сам кого хочешь могу угостить! – жизнерадостно воскликнул он, потрясая вытащенной из-за пазухи бутылью темного стекла с клеймом какого-то из дорогих виноторговцев. – И твоим ларам останется! – добавил громко, чтобы его услышали крохотные «соседи». С грохотом установил сосуд посреди стола.

Гордиан был начальником контуберния, или попросту десятником панцирной пехоты. В противоположность обычному панцирнику был он худ, жилист, тонок в талии и выглядел даже моложе своих двадцати семи.

Три месяца назад ему необыкновенно, можно сказать, дико повезло.

Его десяток нанялся в полном составе охранять купеческий обоз, идущий с гор с шерстью и бараньими шкурами.

И вот на обратном пути на них напала шайка ставшего печально знаменитым Нумы Клыкача. Как выяснилось, в обозе была телега, груженная годовой добычей охотников Серых гор – куньи, беличьи, волчьи, медвежьи меха. Не считая того, что именно с этим караваном была отправлена крупная партия каракуля.

Как это водилось, сам атаман шел впереди своих людей, вселяя в них бодрость, а в жертв – страх.

Нума считался мастером фехтования и почти непобедимым в схватке, но Гордиан этого не знал и, видимо, поэтому справился с ним буквально в несколько мгновений. Уклонившись от размашистого удара длинным мечом, он приложил Нуму обухом топора так, что тот очнулся только на следующий день – уже в цепях.

За голову этого изверга отцы города назначили награду в тысячу полновесных золотых ауреусов. За него же Торговая палата Сераписа обещала ровным счетом две тысячи. (Как поговаривали, кое-кто из местных *авторитетных* людей готов был заплатить еще больше – знаменитый разбойник, не признававший никаких понятий, слишком уж многим стал поперек горла.)

Наконец, на разбойнике оказалось навешано изрядное количество драгоценностей плюс ктесифонский булатный клинок, стоящий баснословных денег... И все это, по праву войны, отошло Гордиану.

Кости Нумы, наверное, уже растасканы крысами в самом жутком нижнем этаже городской тюрьмы, знаменитой далеко за пределами Сераписа Гладоморни.

Большую часть денег десятник положил в самый уважаемый в городе банк, принадлежащий расторопному и удачливому Публию Трималхиону, с условием не выдавать их до того, как он уволится из легиона. На них он думал купить в Сераписе приличный трактир.

Остальные же, уплатив положенное «вдовьей казне» и центурионам, постановил пропить вместе с сослуживцами, чтобы те запомнили его как щедрого и доброго товарища.

Собственно, Орландине до этого бы дела не было, ну разве что порадоваться удаче товарища.

Но Гордиан вбил себе в голову, что ему нужна жена и хозяйка его будущего трактира.

Уходящие на покой бойцы обычно решали подобную проблему двумя способами. Или заранее находили себе симпатичную нестарую вдовушку, или просто отправлялись на ближайший рабский рынок и покупали там, сообразно со сбережениями, подходящую девицу.

Но бравый десятник считал себя слишком молодым для вдовушек, а по законам Сераписа, как, впрочем, и по всем имперским законам, дети рабынь не могли быть полноправными гражданами.

Странно, что для Орландины Гордиан сделал исключение из правил. Вероятно, ее образ никак не ассоциировался в сознании парня с расхожим представлением о «вдовушках». Еще бы, красивая восемнадцатилетняя девчонка, муж которой сгинул неизвестно где. То ли жив, то ли нет – про то одни всеблагие боги ведают. Но по тем же законам Сераписа женщина, чей муж отсутствует более года, считается свободной. От Клеора же не было вестей уже почти восемь месяцев. Так что ждать оставалось недолго и нужно было, что называется, «унавоживать почву».

Гордиан обхаживал Орландину пусть и не столь настойчиво, но непрерывно.

Всякий раз при встрече десятник начинал соблазнять ее участием хозяйки «лучшего трактира в Сераписе», зажиточной, тихой и благополучной жизнью и всем прочим, что к этому прилагалось и из этого следовало.

Вот и теперь, едва ли не сразу, как закрылась дверь, он полез с объятиями. Нет, не тотчас – сперва открыл бутылку и хлебнул добрый глоток, заев вино доброй жменей холодной каши, которую зачерпнул прямо из миски.

– Добро, говори, зачем пришел, и убирайся. Мне еще на службу топать.

– Ну, чего ты как неродная, Ласка? Да и вообще, пора тебе со всем этим завязывать. Со службой в смысле. Не женское это дело, скажу я тебе.

– Тебя спросить забыла, – буркнула девушка. – Поел? Тогда пошел прочь! Проспись где-нибудь. И убери руки, не ты положил, не ты и возьмешь, – передернула она плечами.

– Ну, зачем же так сразу?! – радостно осклабился гость. – Не я положил, говоришь? Так ведь, ежели что, я бы тебя положил со всем нашим старанием! Хоть вот на эту кровать! Так не-эж-ненько... Ты только скажи!

– Слушай, отлезь и не выделывайся здесь! – бросила Орландина, решительно поворачиваясь к нему спиной. – Ты, как-никак, в моем доме!

Не тут-то было.

Его руки фамильярно обхватили Орландину за талию, щупая сквозь тонкую ткань, словно курицу, после чего он сделал попытку решительно притянуть ее к себе, жарко дыша в ухо – почему-то все мужики воображают, что это должно возбуждать девиц.

Не со всей силой, но чувствительно она стукнула его локтем под дых и рывком высвободилась из назойливых объятий.

– Фу-ты ну-ты! – фыркнул Гордиан, потирая живот. – Какие мы недотроги! Можно подумать, мы приняли обет непорочности! Хороша же из тебя весталка!

– Отлезь, говорю, – нахмутив брови, повторила Орландина. – Охота потешиться, так иди в любой кабак, там тебя обслужат за полцены, красавчика такого. Или в храм Исиды – там вообще задарма все сделают. А я мужняя жена.

– Ну, ты скажешь тоже, Ласка! – нарочито расхохотался десятник. – Твоего муженька, должно быть, уже крабы давно обглодали! Ты скажи спасибо, что он тебя обрюхатить не успел, а то была бы ты сейчас вдовица соломенная с пузом!

– Крабы или не крабы, а сроки не прошли, – холодно бросила она. – Не хорони раньше времени.

Пожав плечами, Гордиан попрощался и удалился, бормоча что-то о недотрогах, которых, однако, он уломал не одну и еще кое-кого уломает.

Проводив его, Орландина вполголоса матюгнулась – и чего приперся, спрашивается? Что, неужели думал сразу ее уложить в койку?

Она посмотрела на объемистую бутылку, в которой оставалось почти две трети драгоценной жидкости. Такое вино стоит не меньше серебряного «скорпиона».

Подумалось – если отнести бутылку к кабатчику, то, пожалуй, три-четыре сестерция можно выручить. А на один бронзовый кругляш можно жить два, а если быть поскромнее, то и три. дня.

Одернула себя – чтобы она, как-никак солдат славного Сераписского легиона вольных воинов, как какая-нибудь мелкая воровка, сбывала в харчевню недопитое вино?!

Ну нет! Лучше уж пойти пожрать в казарму.

Совершила обещанное возлияние ларам. Дороговато, но все равно ведь на дармовщину досталось.

Малыши, опасливо озираясь, вышли из зеркала. С важностью приняли поясной поклон от хозяйки и, взявшись за руки, деловито протопали к домашнему алтарю. Вспорхнули на него и принялись, словно котят, лакать из ритуальной чаши ароматную хмельную влагу. Основательно закусили кусочками слипшейся каши. Не побрезговали. Завершив трапезу, лары снова спрятались.

Проводив с честью домашних божков, амазонка вновь задумалась.

Орландина вовсе не была тупой девицей, способной только махать железяками, и понимала, что Гордиан, стервец этакий, почти прав.

Женихи с трактирами, как бы то ни было, на дороге не валяются. Что у нее есть, чтобы воротить нос от удачи?

Полуразвалившийся домик из двух комнатенок с уборной во дворе? Полдюжины не слишком хороших клинков (самое лучшее оружие муж забрал в то самое плавание)? Лекарская сумка с испортившимися снадобьями? Так ведь сколько оно, вместе взятое, стоит?

Может, не так уж и плохо будет ей за Гордианом? В конце концов, намного ли Клеор был его лучше? Солдатский лекарь-коновал вполне стоит десятника панцирников.

Выпить любит, что да, то да, но не больше же прочих? Опять же, он вроде не дает особой воли кулакам даже в пьяном виде. Да и она не какая-нибудь забитая деревенская девчонка и постоять за себя в случае чего сможет...

Ладно, пора идти. И не на службу – это она сказала, чтобы побыстрее выпроводить назойливого ухажера. И помимо службы есть места, где можно заработать на пропитание. Стащив с себя домашнее платье (жалобно треснувшее при неловком рывке), она неторопливо обмотала вокруг чресел тонкую холстину, влезла в кожаные штаны, затем натянула рубаху, а поверх нее кожаный поддоспешник – изрезанный, изрубленный и нарочито грубо заштопанный. Чтобы всякий видел, что перед ним бывалый воин, а не какая-то соплячка.

Застегнув перевязь турьей шкуры, прицепила меч в потертых ножнах, а во внутренний кармашек безрукавки спрятала стилет. Теперь еще щегольские полусапожки, и можно идти наниматься.

– Берегите дом, – попросила как всегда перед уходом ларов.

Домовята что-то ободряюще хрюкнули. Распахнув калитку, она вышла на улицу Семи Хатхор, где стоял ее домик.

Не пройдя и половины квартала, девушка внезапно оказалась в довольно густой толпе. Что это там такое?

– Дор-рогу!! Дор-рогу!! – верещал кто-то впереди.

Привстав на носки, она увидела раздетого в зеленые и белые одежды герольда, важно потрясающего жезлом и время от времени кричавшего отчаянным фальцетом:

– Дорогу!! Дор-рог-гу благородному Арторию!

Вместе со всем народом Орландина подалась к стенам домов. Люди освобождали улицу без излишней спешки и с достоинством, присущим жителям древнего и славного имперского города.

Из-за поворота улицы показалась небольшая кавалькада.

Ни ликторов, положенных столь знатному патрицию, ни скороходов, любимых провинциальной знатью, ни роскошной колесницы.

Впереди на здоровенном кауром битюге ехал высокий молодой мужчина с гривой темных волос, ниспадающих на его кольчугу, с грубым и жестоким лицом, покрытым шрамами, и льдистым недобрый блеском очей.

На вид настоящий варвар, одним своим видом внушающий невольное желание оказаться от него как можно дальше.

Двое других телохранителей, ехавших на полкорпуса позади старшего, выглядели не менее дикими. Один длинноволосый рыжий верзила в кожаной рубахе с нашитыми на нее

металлическими пластинами, и при этом в клетчатой юбке, шотт или каледонец – безошибочно определила воительница: у них служило немало парней из тех мест. У седла болтался тяжелый двуручный меч, при виде которого сразу приходили мысли о числе срубленных им голов.

Когда каледонец проезжал мимо, девушка даже попробовала определить по рисунку юбочных клеток клан, откуда происходит конник (или, судя то разбойничьей роже, откуда его изгнали). Но точно не разобрала – то ли Мак-Мердо, то ли Мак-Лауды. . .

Второй – пикт. Черный, смуглый, татуированный, ростом и ухватками похожий на злую мартышку. На поясе его висели две усаженные шипами палицы, в руке карлик держал длинное копьё с широким наконечником.

И только следом за телохранителями, на ярко-рыжем жеребце, чью сбрую обильно украшали перламутровые пластины, двигался сам важный гость.

Арторий, префект-наместник Британии, легат Десятого и Одиннадцатого легионов, дукс Камелодунума, Лондиния и Эбуракума, соизволил почтить своим присутствием имперский город Серапис. Всего лишь проездом, возвращаясь из столицы, но это не убавляло значимости визита. Орландина, как, пожалуй, и всякий обитатель западных земель Империи, об Арторий слышала, и даже через край.

Немало говорилось о том, как он мудр, добр, благочестив, отважен и преисполнен иных, столь же лестных качеств. Поговаривали, что к нему благоволит престарелый август Птолемей, и как знать, вдруг по смерти монарха быть префекту Британскому владыкой державы (пусть власти у государя в чем-то и поменьше, чем у самого Артория сейчас, но все же. . .). Непонятно, почему император до сих пор не назначил его соправителем-цезарем? Или все ждет рождения наследника?

Молва сообщала, что Арторий необыкновенно красив, так что ни одна женщина не может перед ним устоять. И даже, мол, сама августа Клеопатра и то не без греха, отчего ее супруг, несмотря на все симпатии к блестящему и в целом лояльному вельможе, и держит его подальше от двора.

Орландине так не показалось. Нет, мужчина, конечно, видный: широкоплечий, короткошей, с фигурой атлета и воина. Но видала она парней и посимпатичнее.

Да еще и это выражение самодовольства и равнодушия портило правильные черты лица, украшенного длинными кельтскими усами и холеной острой бородкой.

«Как у козла!» – с неожиданным ехидством определила девушка.

Свиты у Артория почти не было.

Справа от него на пегой кобыле мавританских кровей неловко сидела упитанная грудастая блондинка в зеленом платье. Должно быть, его жена, та самая Януария (или, как зовут ее галлы, Жиневер), о красоте которой тоже говорили немало. На взгляд амазонки, ничего уж такого особенного. По левую руку на вороном эйринце ехал мрачный тип в полном воинском облачении и со значком трибуна на груди. Видимо, кто-то из приближенных.

«Как их там? Круглые рыцари? Воины Великого круга?»

– Трибун Ланселат! – раздался за спиной чей-то восторженный всхлип.

Орландина обернулась.

Пышная молодая, заломив руки, умильно пожирала глазами «хмурого».

– Не по тебе корм, Юния! Утри слюни! – насупила брови стоявшая рядом с толстушкой худая длинная девица с лицом, похожим на лошадиную морду.

– А что, Терция? – не сдавалась ее собеседница. – Молодой, красивый и, главное, холостой. И к тому же на пару месяцев остается в нашем городе для переговоров. Есть шанс!

«Вот же глупые трещотки!» – подумалось воительнице.

Позади всех трясся на мелком бриттском пони плотный пожилой человек, одетый в потертую леопардовую шкуру поверх белого балахона. Голова его была обрита наголо, и только длинная прядь седых волос свисала с макушки. Поперек седла лежал посох, а к седлу была при-

торочена большая плеть с красным камнем в рукояти. Тип этот чем-то безотчетно не понравился Орландине. То ли высокомерным отчуждением на обрюзгом лице, то ли странным оттенком морщинистой кожи – не стариковским, а каким-то... нехорошим, что ли?

– Видала того деда? – произнесла за ее спиной толстуха, обращаясь к «жерди». – Это же Мерланиус! Говорят, великий чародей, похлеще любого заклинателя будет. Даже самый сильный египетский херихеб ему в подметки не годится. Только разве что вендийские мудрецы против него чего-то стоят. И что это он не на своем драконе?

«Мерланиус?! Ага, так это сам верховный понтифик Британии?»

О, эта личность была окутана множеством легенд. Куда там до него самому префекту-наместнику.

Его еще называют Странник, Скиталец.

Никто толком не ведал, откуда был родом Мерланиус и как появился на островах. Сам он напускал вокруг себя такого тумана, что даже с ярким фонарем сквозь него не проберешься.

Слухи же ходили самые разные. Говорили, что понтифик родом из метрополии, чуть ли не из старого Мемфиса. И родился он много лет тому назад. Пару сотен, если не тысячу.

Болтали, что он беглец из Заморских королевств, откуда изгнан за злое колдовство. Что он чародей откуда-то с далёких Тибетских гор (и где, интересно, такие?). Или из Чжунго, где как-то победил, а затем приручил дракона, сделав того своим ездовым животным. Утверждали даже, что Мерланиус прибыл с какой-то далекой звезды.

Пойди тут разберись, где ложь, где правда.

Но чего у понтифика отнять было нельзя, так это его мастерства. Колдовать он умеет знатно. Один случай с мечом в камне, «выбравшим» Артория хозяином Британии, чего стоит. Никто не мог вытащить из гранитной глыбы клинок, торчавший там почти два века. А вот префект, получив благословение Мерланиуса, сумел. (Чем в немалой степени поднял свой престиж среди местного населения.)

А знаменитое состязание с друидами, к слову, ими же самими и затеянное, чтобы посрамить чужеземных богов? После двух дней непрерывного поединка зачинщики признали свое полное поражение. Скиталец одолел их по всем статьям. Мало того, он изгнал побежденных из Стоячих Камней, силой своего искусства восстановил этот древний храм и объявил своей официальной резиденцией...

Внезапно Орландине стало не по себе.

Тяжелый взгляд водянистых глаз Мерланиуса, ни с того ни с сего остановившийся на ней, камнем придавил сердце. На секунду девушке показалось, что она теряет сознание. Словно при шоке от полученной раны.

Бр-р-р!!

Думая о колдуне, она прошла по улице Горация, свернула в Цезарев переулок и, наконец, перебежала площадь Птолемея Пятнадцатого и Клеопатры Седьмой. Миновав никем не охраняемые Кузнечные ворота, вступила в Солдатскую слободку.

Слободка, или предместье, лишь название. На деле это был настоящий городок приличных размеров. Несмотря на то что, по сути, это был военный лагерь, а может, именно поэтому, чтобы хоть немного дать отдохнуть воинам от необходимого, но такого утомительного армейского порядка и подчеркнуть, что как бы то ни было, а они сами себе хозяева, внутри Солдатская слободка была застроена даже сумбурней, чем обычный городской квартал.

Домики семейных обитателей и командиров, казармы рядовых, кабачки и харчевни, небольшие базарчики и цейхгаузы, тренировочные городки и плацы – все вперемешку. Единственное исключение – кузни и главные конюшни были вынесены за земляной вал, ограждающий этот крольчатник. От первых было много шума, от вторых – навоза.

Какое-то подобие регулярной архитектуры имелось лишь в центре, где разместились несколько главных оружейных складов, Преторий, здание Круга Центурионов (бывший храм Юпитера), сборная площадь и конторы, в которых сидели наниматели-посредники.

Из дюжины контор девушка выбрала самую неприметную, где хозяином был толстый, неуклюжий коротышка ростом ей по грудь – Малыш Захес.

Как ей подсказали вчера, у него есть для нее работа. Он и раньше подбрасывал Орландине подобные дела. Ведь в мирное время никто не препятствовал им, вольным воинам, подрабатывать на стороне. Не имперские же легионеры, слава Симарглу!

Они охраняли торговые караваны в беспокойных местах; бывало, их нанимали в охрану дочерей и особенно жен городских богачей на время отъезда отцов семейств. В основном даже не столько охранять от грабителей и воров, сколько лишний раз присматривать, чтобы соскучившиеся по мужской ласке богачки не начали искать приключений.

Однажды, как раз в прошлом году в это время, ей пришлось охранять дочь одного из кувяских князьков, решившую посмотреть мир. Светлана, так ее звали, вовсе не оказалась заносчивой дурой, как поначалу опасалась Орландина. Приветливая, доброжелательная, без всякого гонора, княжна запросто беседовала с ней, не смущаясь разницей в происхождении, расспрашивала ее о Сераписе, о здешней жизни и даже (о диво!) делала какие-то записи в большом свитке, который всегда таскала с собой в сумочке на поясе. Честно говоря, Орландина надеялась даже, что Светлана возьмет ее с собой, сделав постоянной телохранительницей, но та вернулась домой с посольством своего отца, как раз следовавшим через Серапис из Тингиса. Не погнушалась лично поблагодарить за службу. А между прочим, не кто-то, а наследница княжьего престола! Повезет же ее подданным!

...Захес шелестел папирусами, словно мышь в куче шелухи. Макая перо в чернильницу, что-то быстро начал писать. Орландина, поджав губы, улыбалась, глядя на старания сморчка.

Наконец он завершил дело, внимательно посмотрел так и сяк и остался доволен.

– Вот, – протянул ей лист плотной камышовой бумаги, – прочти, ежели грамотная, или пусть тебе кто прочитает.

Он кивнул в сторону гостей. Молча взяв контракт, Орландина принялась медленно читать, шевеля губами. Все вроде было верно. Договор между ней, Орландиной, прознатчицей Сераписского легиона вольных воинов, и горожанином Захесом из купеческого сословия на охрану вверенного ему Захесу его компаньонами товара.

Да, все правильно. Уже давно хитрые люди вроде Захеса наловчились обманывать сборщиков податей.

Сторожа товаров и складов налогов не платили, а телохранители, как люди заведомо больше получающие, должны были отстегивать часть заработка в городскую казну. Так что когда, к примеру, требовалось охранять человека, то охранник подряжался будто бы охранять его драгоценный перстень или ожерелье.

– Встретишься с нужным человеком в «Буйном кабане», отдашь ему пакет, возьмешь то, что он тебе вручит, и отнесешь в «Три кашалота». Передашь Адрасту. Поняла?

– Что хоть сторожу? – осведомилась девушка.

– Безделицу, векселя Нубийской торговой компании. Красть их бесполезно: именные, – но порядок есть порядок. Да и говорят, в компании не без греха – воруют-с! – Коротышка многозначительно хихикнул.

«Да вот такие, как ты и воруют!» – поморщилась про себя девушка.

Захеса она почему-то не любила. Не то чтобы про него ходили дурные слухи, или он кого-то обманул, но... Скользкий тип, одним словом.

Забрав пакет, она вышла прочь.

Слободку девушка покинула через Куриные ворота. Впрочем, буде такая нужда, она бы сделала это без труда где угодно.

Вал, окруживший слободку, старый, оплывший, с мелким рвом и множеством прорытых ворот, давно уже не имел права именоваться заумным словосочетанием «оборонительное сооружение». Собственно, необходимости в нем и не было – никто не собирался пересидеть тут осаду: рядом крепкие стены Сераписа.

Глава 2. НА ГОРЯЧЕМ

Ваал требовал жертв. Нагло и категорично.

Верещал так, что просто уши закладывало.

В его пронзительном вопле-визге слышался прямой призыв к Орланде немедленно покинуть келью и отправиться на поиски чего-нибудь съестного. Все равно чего, лишь бы можно было дать поживу зубам и желудку.

Вот проглот. Только с полчаса назад она поделилась с ним крошками традиционного вечернего сухаря, оставшимися от ужина, а он снова вопит и вопит. А до завтрака еще ой как долго.

Мог бы уже и привыкнуть за полгода их знакомства к монастырскому распорядку.

Все жрал бы и жрал. И как не подавится?

Наверное, она и имя ему выбрала такое из-за поразительной ненасытности маленького пушистого создания. Ваал – древнее, ныне полузабытое божество, питавшееся кровавыми подношениями. Ну, приятель Орланды отнюдь не был монстром, алчущим крови, но мяско любил...

...Пять с половиной месяцев назад, как раз на Рождество, Орланда, вернувшись в свою келью после праздничного ужина, достала из одного кармана кусок жареной курицы, который ей удалось утащить из-под самого носа подслеповатой сестры Иринеи, а из второго извлекла ломоть белого хлеба и пару сушеных фиг. Обозрев все это богатство, она уже намеревалась приступить ко второму ужину (первый не смог до конца насытить ее вечно бунтующую молодую плоть), как вдруг...

Из темного угла донесся какой-то шорох. А затем прямо под ноги оторопевшей девушке выкатился темный маленький шарик, издающий жалобные звуки.

Сказать, что Орланда испугалась, значит ничего не сказать. Сначала она чуть в обморок не хлопнулась от страха. Затем заорала что есть мочи и стрелой взметнулась на табурет. Оттуда воспарила к окну и зависла над полом, уцепившись руками за бронзовую оконную решетку, а ногами брыкая, словно необъезженная кобылка.

Крыс и мышей она терпеть не могла с самого детства и всегда находила благовидный предлог, чтобы отбояриться от работы в тех местах их обители, где водились мерзкие серые грызуны. Ох, и доставалось ей из-за этого от старшей сестры-распорядительницы. Послушания сыпались на ее голову одно за другим. Ничего не помогало.

Между тем шарик, продолжающий испускать тоскливые вопли, добрался до стола, на котором девушка опрометчиво разложила съестное. На мгновение застыл, а затем превратился в столбик. Небольшой, с Орландину ладошку.

– Эй, тварь! – прикрикнула сверху. – Ты чего это задумала? Лапы прочь от моего ужина!

Существо повернуло голову на ее голос. В полумраке хищно сверкнули две алые точки.

– Ой-ой-ой! Спасите, Христа-а ра-ади!

Зверек, нимало не реагируя на рев голосистой послушницы, вспрыгнул на табурет, а оттуда взобрался на стол. Деловито обнюхал рождественское угощение.

Этакой наглости Орландина снести не могла. Боязнь остаться без лакомств, доставшихся с таким трудом, пересилила в ней отвращение перед мерзким созданием.

Она разжала пальцы и шлепнулась на пол. Приземление вышло отнюдь не мягким.

Не обращая внимания на сбитую коленку, девушка подлетела к столу и занесла над прищелем карающую длань. Ну, держись, подлый похититель!

Маленький наглец вразвалочку отошел на край стола и уселся, ни дать, ни взять вендийский пророк Будда.

– Ты чего, не боишься? – изумилась Орланда.

Зверушка хрюкнула, словно подтверждая сказанное, и девушка присмотрелась к ночному гостю повнимательнее.

Нет, никакая это не крыса.

И не мышь.

Вон, хвоста нет. И уши большие. Не такие, как, например, у зайца или кролика, а круглые, с небольшими кисточками. Коричневая шкурка с белыми пятнышками. Мордочка совсем не злая и не противная. Даже наоборот. Маленький носик смешно дергается. Толстенькие щечки ходят вверх-вниз.

Хм, симпатяга.

Орланда опустила руку.

Мальш, словно почувствовав перемену в ее настроении, переместился на полшага в направлении еды и вновь выжидательно замер в той же человеческой позе.

– Что, тоже есть хочешь? – поинтересовалась хозяйка кельи.

Утвердительное похрюкивание.

– Ладно, – вздохнула Орланда. – Присоединяйся. Поделюсь с тобой по-христиански.

Дважды упрашивать нового знакомого не пришлось.

Так и появился в ее келье еще один жилец.

Если бы девушка знала, сколько беспокойства принесет ей прикормленный кусик (как выяснилось, именно к такой редкой, очень восприимчивой к дрессировке породе грызунов относился ее «сосед»), то сразу же отказала бы ему от стола и крова.

С началом их с Ваалом странной дружбы юной послушнице пришлось значительно усовершенствовать свои охотничьи способности.

Раньше, чтобы унять бурчание голодного желудка, ей достаточно было, заболтав до умопомрачения сестру-повариху Сусанну, стянуть на кухне парочку сухарей. Ну, на худой конец забраться во владения матушки Гориссы, ведающей монастырским огородом, за пучком редиса, салата или морковки. Сухари, конечно, сытнее, но и учет им велся более строгий.

Теперь же следовало стараться за двоих. Потому как кусичок, несмотря на свои невеликие размеры, имел бездонный желудок. И был не прочь поживиться не только постной пищей, но и скоромненьким.

Ха, как будто Орланда не любила сало или колбаску! Но терпела же, как велел терпеть и воздерживаться Иисус распятый.

Однако Ваал, в отличие от нее, не готовился принять постриг и не впитывал с пяти лет основы христианского вероучения. Ему требовалась жирная пища.

Так что приходилось рисковать по-крупному. Лихой парочке сильно повезло, что смотрительница монастырских кладовых матушка Деянира страдала той же болезнью, что и сама охотница за съестным. Грозная старушка панически боялась мышей и крыс.

Стоило кусику с самым невинным видом прошмыгнуть у нее под ногами и дружески цапнуть тощую матушку за палец босой ноги, как стражница сыров и окороков погружалась в глубокий транс, переходивший в не менее глубокий обморок.

Дальше – дело техники. Увесистая связка ключей мигом переключивалась в руки налетчицы. Самое сложное – подобрать нужный ключ. Когда и это препятствие оставалось позади, предстояло не менее тяжелое испытание – искушение изобилием снеди. Хотелось взять сразу всего и побольше. Но нельзя. Могут заметить.

– Держимся, воздержимся и не ленимся! – назидательно говорила она кусику, выбирая самые маленькие колечки колбасы, мелкую вяленую рыбешку и обрезки сыра.

Ваал был с нею полностью согласен. Но находился в более выгодном положении. Пока подруга мучилась угрызениями совести, он насыщался прямо на месте. То там куснет, то здесь.

И все с лап сходило. Ну, в самом деле, кто обратит внимание на то, что головка сыра или окорок чуток погрызены вредителями?

Ключи на место, добычу в широкие рукава сутаны и давай бог ноги.

До сих пор, хвала Богородице, не попадались!

Вот и теперь Ваал явно призывал идти на промысел.

– Потерпи! – упрашивала приятеля Орланда. – Я тоже голодна! Как-никак Великий пост.

Жуткий визг.

– Да тише ты, всю обитель разбудишь!

Ой, да плевать на все, когда жрать хочется.

– Ладно, уговорил. Пойдем.

Пристроив кусика в обычное место (благо, карманы уже давно были перешиты как для добычи, так и для переноски самого добытчика), послушница осторожно выскользнула в коридор.

Кажется, все спокойно.

Сестры, утомленные дневными трудами, почивают. До заутрени еще есть часа два. Вполне можно успеть.

Кладовые находились на заднем дворе обители. Добраться до них не проблема. А вот забраться внутрь...

Может, к ее счастью, матушка Деянира еще не ложилась. Ведь столько хлопот перед Пасхой. Каждый день в монастырские закрома поступает провизия. Нужно все сосчитать, учесть, распределить.

Вот и вчера под самый вечер прибыл обоз из Болоньи. От старшего брата матушки настоятельницы Кезии, квестора Деметрия Руфия.

Почтенный сановник не забывал сестренку, хоть та выбором стези и ополчила против себя большую часть членов их древней патрицианской фамилии. Вместо того чтобы посвятить себя Весте или еще какой-нибудь традиционной для имперской аристократии богине, Кезия решила стать невестой Христовой. Нехорошо, конечно. Но что поделаешь? Сердцу не прикажешь. А более близких родственников у квестора не было. Собственной семьей к своим сорока годам он так и не обзавелся, а все эти дяди, тети, племянники, кузены с кузинами походили на стаю жадных ворон, только и ждущих того, чтобы поживиться на его поминальном пиру.

Орланда сама вчера видела весомые доказательства братней любви. Десяток свиных окороков, четыре мешка муки, две сотни яиц, пять головок сыру, несколько связок колбас – настоящее богатство. И еще три бочонка, на которых синей краской было коряво выведено, причем греческим алфавитом, что-то вроде «Болонь». Девушка еще немного удивилась, с чего бы это квестору слать им бочки с водой, пусть и болонской. Что, у них в Сераписе вода не такая? Или, может, эта, привозная, обладала какими-то особыми свойствами?

Даже не постеснялась напрямую спросить об этом у Деяниры.

Матушка нахмурилась и по своему обыкновению рявкнула на не в меру любопытную отроковицу, чтобы та не совала свой нос, куда не следует, а занялась бы лучше делом. Но тут же была одернута настоятельницей, вышедшей в этот самый миг на задний двор, чтобы лично поприветствовать братова посланца.

– Что ты, Деянира? – кротко улыбнулась Кезия. – Разве можно ожесточать свое сердце гневом в Страстную неделю?

Старая карга чуть собственным языком не подавилась и пошла красными пятнами.

– А ты, дитя, – это уже относилось к Орланде, – разве не ведаешь, что любопытство – один из семи смертных грехов?

На прекрасном лице аббатисы появилась печальная улыбка. От нее и от пристального взгляда, который, казалось, проникал в самые потаенные уголки души, послушнице стало не по себе. Она даже вспотела, хотя на улице было не жарко.

В последнее время Орланда заметила, что Кезия слишком часто смотрит на нее так, как вот сейчас. Это ее не слишком радовало. А вдруг настоятельница прознала про ее с Ваалом проказы?

– Но неудовлетворенная пытливость может источить душу похлеще любой болезни, – тем же печально-поучительным тоном продолжила Кезия. – Потому скажу тебе, что вода в бочках не простая, а освященная и доставленная прямо из Нового Иерусалима.

Ого, удивилась девушка, три бочки святой воды. Зачем так много? Но вслух спрашивать не стала. Ведь любознательность – смертный грех.

– Нашей обители выпала большая честь! – молвила матушка-настоятельница, как бы отвечая на немой вопрос Орланды. – На Пасху нас посетит особый гость!...

Она сделала паузу.

– Это наш единоведец из Британии. Друг и посол префекта Артория трибун Ланселат. А с ним еще десяток сераписских патрициев. Так что предстоит большой прием.

«Ага, так вот к чему вся эта прорва припасов...»

...Когда лет четыреста назад в Сераписе возвели новый храм Анубиса, горожане изрядно поудивлялись. Община египтян в городе была хотя и немаленькой, но все же не столь солидной, чтобы строить храм в честь этого не слишком любимого бога. Иноплеменных же прихожан эти древние зверобоги не очень привечали. Тем не менее храм был построен (до сих пор сохранилось предание, что ушлые жрецы этого подземного Псоглавца затеяли стройку, чтобы без помех красть выделенные на нее деньги).

И надо ж было такому случиться, что вскоре после открытия этого храма грянула очередная смута, в ходе которой окрестности Сераписа вместе со многими западными землями оказались под властью скороспелой Эйринской империи. Воинственные уроженцы Зеленого острова ограбили храм дочиста, свергли статую египетского бога, а на ее место воздвигли идол своего ужасного Кром Круаха.

Ежегодно мерзостному богу приносили в жертву могучего воина и красивую девушку, причем жертвы должны были восходить на алтарь добровольно. Как предсказали жрецы, пока поток готовых пожертвовать собой не иссякнет, стоять островной империи неколебимо.

Поток и не иссякал, до тех пор пока подточенная пьянством жителей и наркоманией верхов империя рухнула и власть истинных августов вновь возродилась в Сераписе. Культ Крома попал под запрет, и египтяне вновь попытались вернуть себе пришедшее в запустение сооружение.

Только-только они что-то наладили, как опять началась смута (хотя и короткая), во время которой в окрестностях города неведомо откуда завелась шайка викингов этак сотен в пять головорезов. Они-то и разорили святилище Анубиса вторично, ибо думали, что там хранятся великие богатства. Когда же морские люди убедились, что все более-менее ценное выгребли за полтора века до них, то со злости расколошматили все статуи и барельефы. Затем поставили в храме алтарь Одину, на коем в жертву принесли боевого слона, отбитого у знаменитого Шестого легиона (по менее героической версии животное принадлежало бродячему цирку). После чего убралась восвояси, в качестве трофея прихватив одну из храмовых танцовщиц, позже ставшую королевой Дании.

Еще лет пятьдесят храм стоял пустой и покинутый, пока окраины Сераписа не придвинулись вплотную к нему.

Магистрат задумался, что делать с сооружениями.

После жарких прений отцы города решили, что постройки следует выставить на торги, а деньги, вырученные от сделки, пустить на городские нужды.

Тут слуги Псоглавого бога попробовали было заикнуться насчет своей собственности, но их поставили на место: а с чего вы это только сейчас вспомнили о ней? Не иначе, на золотишко заритесь?

Торги к вящему удивлению устроителей не вызвали особого интереса. То ли первоначальная сумма, запрошенная магистратом, была велика. То ли потенциальных покупателей отпугнула недобрая слава, закрепившаяся за этим жутковатым местом. Но факт тот, что претендент на приобретение недвижимости оказался лишь один – Святой остров.

Присланный оттуда епископ, не торгуясь, купил старый храм и тут же освятил его во славу Божью, объявив, что отныне здесь разместится женский монастырь. Уже через месяц обитель приняла первых жилиц.

Хотя за последние десятилетия его изрядно перестраивали, но египетские черты по-прежнему проглядывали. Церемониальные ворота – пилон с двумя фланкирующими, сложенными из массивных блоков башнями в форме усеченных пирамид, которые теперь венчали позолоченные кресты. Колоннада по центру – симметричные ряды каменных столбов метра в три высотой. Сверху их перекрывали такие же каменные плиты, создавая ощущение мрачной мощи и некоей извечной тайны.

По пути ей никто не попался, кроме Самсона – старого кота, старейшины всех монастырских кошек.

Первое время Орланда боялась, что ее пушистик попадет к кому-то из дюжины мурлык на обед, но кошки отнеслись к Ваалу с неожиданным дружелюбием.

Это, кстати, расположило к кусику старших сестер. Ведь известно, что кошка – животное, особенно угодное Богу, ибо истребляет прислужников нечистого и врагов рода людского – мышей и крыс.

Заговорщицки подмигнув какому-то угоднику, осуждающе глядящему на нее со стены, Орланда мышкой прошмыгнула через трапезную, еще хранящую запахи кислой капусты и морковных котлет, которые сестра Сусанна подавала вчера на ужин.

Ну и гадость! И кто только придумал все эти постные блюда? Нет, конечно, с голодухи и не такое есть станешь. И все же...

Кусочек румяной курочки, да под клюквенным соусом, да с ломтем пшеничного хлеба, намазанным густым слоем желтого деревенского масла...

От этой картинки, так зримо представшей перед мысленным взором, девушка чуть волком не взвыла.

Если она тотчас же не набьет себе рот чем-нибудь вкусненьким, пусть хоть немедля из нее мумию делают!

Угу!

Как и предполагала, возле кладовых ни души.

Оно и хорошо, с одной стороны. Нет лишних глаз и все такое. Но откуда, скажите, ключи взять? Не с неба же сами собой упадут, явив чудо Господне?

– И что, живоглот, делать будем? – злобно поинтересовалась она у Ваала, высунувшего из ее кармана свою любопытную мордочку. – Я ж тебе говорила, потерпи чуток! Теперь, не солоно хлебавши, назад тащиться!

Кусик виновато хрюкнул. Бывает, дескать. В таком деле не без промашек...

Метрах в пяти от Орланды мелькнул огонек.

Кого это там нелегкая несет? Не хватало еще быть пойманной на горячем.

Послушница застыла, превратившись в немое изваяние.

Чудно. Никого. И шагов не слышно. А огонек не пропадает. Только удаляется куда-то вперед.

Посмотреть, что ли?

Сделала пару шагов и остановилась, как, вкопанная. Что это с ней, в самом деле? Туда же нельзя. Там запретное место.

Сколько раз было говорено Кезией и сестрам, и послушницам (этим в особенности), что ходить в дальние кладовые заказано. Во-первых, они давно, почитай с самого основания обители, не использовались, а потому и не ремонтировались. Не ровен час ногу, руку, а то и шею сломаешь.

А во-вторых, там, по преданию, водились... бесы.

Пару раз, еще в старину, их пробовали изгнать. Даже специально приглашали епископа с самого Святого острова. Не сумели. Только и того, что отгородились от проникновения адского отродья незримой стеной, сотворенной силой веры архипастыря, и наложили воспрещение.

Однако любопытно было бы хоть краем глаза посмотреть, что это за бесы такие.

Нет, конечно, Орланда знала о существовании всевозможных демонов и злобных духов, посылаемых сатаной христианам во искушение и для испытания их веры. У матушки-настойельницы даже особый свиток имеется, где об этом всем подробно прописано. Да еще и с картинками!

Свиток этот хранился с крайними предосторожностями. Не приведи Господь, в руки имперских стражей порядка попадет. Достанется тогда бедным монашкам за сбережение крамольных сочинений, подрывающих устои государственной религии. Ибо в писании том в разряд сатанинского племени были зачислены практически все боги и богини Империи за исключением Христа и его святых.

И надо же было именно здесь этому огоньку появиться. Как не вовремя!

Орланда и сама не заметила, как, погруженная в тягостные размышления, оказалась у входа в очередной коридор. Таинственный огонек исчез как раз в этом месте.

– А ты что об этом мыслишь? – испросила совета у пятнистого напарника.

Баал пробурчал что-то неопределенное. Думай, мол, сама.

Желудок хватанул очередной спазм голода, и это стало последней каплей.

Девушка решительно ступила в коридор.

«Хм. И кто это здесь умудрился забыть факел? Да еще и не погасил его? Не он ли и был тем самым путеводным огоньком? Посмотрим, посмотрим».

Странности на этом не закончились.

Послушница обнаружила, что коридор отнюдь не был заброшенным, как подобало бы в запретном месте. Не было ни вековой пыли, ни хлама. Зато кто-то совсем недавно поставил здесь пяток новых и крепких дубовых дверей. С тяжеленными запорами и замками. Четыре были заперты.

А вот пятая, самая дальняя, оказалась чуток приоткрытой.

Быстренько перекрестившись и зажмурившись, Орланда шмыгнула внутрь.

Когда девушка вновь решила открыть глаза, то увидела (да-да, увидела, поскольку в помещении, в котором она очутилась, мерцал неясный свет, льющийся неизвестно откуда) три давешних бочонка со святой водой.

– Хорошенькое дело! – не удержалась она от восклицания.

Это что, новый способ борьбы с нечистой силой? Иначе зачем было бы тащить сюда эту, как ее... «О'Болонь»?

Кусичек, уже успевший выбраться из ее кармана, прыгнул на пол и ринулся куда-то за бочки.

– Эй, погоди! – испуганно крикнула Орланда ему вдогонку.

Какое там. Только ушастого и видели. Никак учуял что-то вкусенькое.

У Орланды и самой голова закружилась от одуряющих запахов. Хапнула рукой набум, что оказалось поближе.

Кольцо колбасы.

– Ой! – обрадовалась.

– Ох!!

Это уже по поводу изрядного шмата сала, лежавшего бок о бок с тазиком, доверху наполненным колбасами.

– Ах!!!

Так приветствовала пирамидку из сырных кругов.

Да в этакое бастионе она и сама бы не прочь посидеть хоть целый год в затворе, обороняясь от легиона демонов. Как отцы-отшельники в пустынях, о которых читала послушницам матушка Кезия. Святой Антоний там или Иероним.

Ну, первым делом нужно наесться до отвала. Прямо на месте.

– Вку-усно-о-о...

– Ага! – согласился кто-то рядом.

Юная обжора чуть не подавилась куском пряной жирной колбасы, засунутой в рот одновременно с ломтиком острого сыра.

– Я больше не бу-уду! – на всякий случай заревела она. – Это в первый и последний ра-аз!

– Так я тебе и поверил! – насмешливо сказали в ответ скрипучим мужским голосом.

Мужским?! Как же это?! В женской-то обители! Вор! Насильник!! Душегубец!!!

– Дя-а-де-энька! Не надо! У меня нет ничего. Я хорошая-а!!

– А я ж разве говорил, что плохая? Только и усомнился, что впервой этим занимаешься. Что я, не видел, как ты давеча пять пучков салата с огорода снесла? А до этого, на прошлой неделе, два яйца из птичника слязмила. А десять дней назад...

– Боже Создателю, Матерь Богородица! Да что же это? Да кто же?...

– Но ты не бойся, – проскрипели из-за бочонка. – Я не выдам. Зачем мне это?

– А вы кто? – шмыгнула носом проказница, не вполне доверяя странному голосу.

– Лешие мы, – ответили просто. – Ну, сатиры. По-вашему, бес...

Орланда никогда бы не подумала, что она способна так орать. От собственного крика у нее самой заложило уши. А с потолка даже штукатурка посыпалась.

– И чего бы это я вопил?! – обиделся голос. – Другая б на ее месте от счастья рыдала, что ей такая честь выпала. Ведь не хухры-мухры, а сам лесной князь пожаловали. А она... Эх вы, люди. Вон, твой дружок и то любезнее.

Сначала из полумрака вынырнул Ваал, почему-то висящий в воздухе, локтя в полтора от пола. Вид у кусика был довольный и умиротворенный.

Следом за ним явилась несуразная человеческая фигурка. Толстенький голый мужичок, густо поросший шерстью.

Девушка стыдливо зарделась. Ей еще в жизни не доводилось видеть обнаженных мужчин. Только на фресках да в виде статуй.

Хорошо хоть еще, что чресла легкой повязкой прикрыл, негодник.

– Изыди, враг рода человеческого! – торжественно прорекла послушница, осеняя демона размашистым крестным знаменем.

Из житий святых она знала, что это самое первое средство для изгнания бесов.

– Но прежде Ваала оставь! – спохватилась.

Первое средство не подействовало.

Хм. Это, наверное, потому, что она грешница и маловерка. Нужно будет всенепременно сходить на исповедь. Сегодня же. И во всем покаяться матушке-настоятельнице. И торжественно пообещать, что больше никогда, ни при каких условиях, ни-ни... Пальцем не прикоснется к неположенной уставом снеди.

Чем бы это его еще огреть?

Вот ведь, стоит, ухмыляется щербатым ртом. Урод рогатый!

Конечно, если быть откровенной до конца, то и не совсем урод. Обыкновенный такой неказистый мужичонка, рыжий, с торчащими во все стороны вихрами, конопатый и курносый. И рога не такие уж и большие, как в свитке настоятельницы намалевано. Даже, наоборот, махонькие. С ее мизинец. И хвоста козлиного с кисточкой нет. Вот и верь после этого книжкам.

– Ты стой себе, стой на месте! – прикрикнула дева-воительница, заметив, что бес переминается с ноги на ногу, как бы готовясь к прыжку. – Я еще не придумала, какой каре тебя подвергну!

– А без этого никак нельзя? – поинтересовалось чудище. – Без кары?

– Нет! – отрезала категорично.

Когда еще представится случай совершить подвиг во имя веры?

– Слышь, дочка! – заскрипел сатир. – Может, разоидемся полюбовно? Ты меня не видела, я тебя не видел. Как-никак одним и тем же промышляем.

Ничего себе!

– Ты меня с собой не ровняй! Я, между прочим, чужого не ворую. Это и так все наше, монастырское! Так что...

Вот оно. Нашла. Нет более мощного оружия против чертей, чем святая вода. Только чем бы ее зачерпнуть?

– Ну, перекаптался я у вас месячишко-другой, – продолжал канючить рогатый. – Так ведь никому порухи не было. Истошал, оголодал малость за время дальнего странствия. Вот только котомочку ветхую харчишек соберу и дальше отправлюсь.

Пнул ногой объемистую торбу, лежавшую у его ног.

«Вот, и копыт нет. Врут, все врут в книжках!»

– А далеко ли путь держишь? – разобрало любопытство Орланду. – И откуда?

– Ой, да сами мы не местные-э, – загнусавил мужичок. – Идем-бредем из дале-ока, из самой Куявии. Послан от общества ко святым местам. В самые Дельфы. Припасть к ключу-у Кастальско-му, испросить судьбу-долюшку у оракула. А то тяжело там стало. Последние времена настают. Гонят нас отовсюду твои единоверцы, дочка. Князь Велимир совсем осерчал. Лютым зверем по своим владениям рыщет, бесов искореняя... Особенно ж сдурел, когда дочка его, Светланка, из заморских краев воротилась. В аккурат, у вас в городе и гостевала.

Леший тяжело вздохнул:

– Мы ж, князья лесные то есть, никому худа не творим, за живностью присматриваем вот, – и любовно погладил разомлевшего у него на руках кусика. – А чей-то ты делаешь? – подозрительно зыркнул он на Орланду, прервав свои жалобы.

Девушка как раз начала сооружать метательный снаряд страшной убойной силы.

Пока заморский гость разглагольствовал, она разыскала горшочек подходящих размеров. Вычистила его от находившегося там смальца, который пришлось наскоро употребить (не пропадать же этакому добру, в самом деле). Бочком-бочком приблизилась к вожделенным кадкам и уже успела вытащить из одной туго сидящую затычку... И тут была поймана на горячем.

– Э-э-э, – заблеяла испуганной козой Орланда. – Э-э-э... Пить что-то захотелось.

– Да уж, – кивнул бес– Колбаска больно перченая. Ты сделай милость, девуля, и мне чуток плесни.

– Ой, да пожалуйста!

Нацедив полный горшочек воды, Орланда сунула его прямо под нос лешему. Тому пришлось выпустить из рук Ваала, который нехотя покинул насиженное место. Степенно пригладив усы, сатанинское отродье принялось хлебать «угощение».

– Во имя Христа-искупителя! – вытянула руку разящим копьём и ткнула пальцем в бесовскую харю. – Сгинь, сгинь, рассыпья!!

Вот сейчас он окутается дымом, потом вспыхнет синим пламенем и исчезнет. Отнюдь.

– Ух ты! – восхитился чужак, вылакав содержимое горшка. – Давненько такого пива пробовать не доводилось! Сами варите аль привозное?

«Пиво? Какое еще пиво?! Откуда здесь...»

Выхватив из Сатаровых лап сосуд, послушница снова наполнила его жидкостью из бочонка и одним махом проглотила. Даже понюхать не догадалась для порядка, до того была ошеломлена словами врага Христова.

Совсем не вода! Горькое, невкусное. Словно пережаренных зерен нута пожевала.

Ну матушка Кезия! Ну выдумала! Хм. Святая вода! Ха.

– Ха-ха-ха! – залилась девушка дурковатым смехом. – Хи-хи-хи!

– Ты что, никогда пива не пробовала? – донесся как из тумана скрипящий голос.

– Нет, ик, не проб...вала, ик!

Перед глазами все плыло, двоилось.

Заботливые руки подхватили ее под локотки, помогли прилечь.

– Отдохни, детка, отдохни, – ласково гладили Орланду по головке. – С голодухи да с непривычки это бывает.

Отяжелевшие веки девушки смежились...

– Да говорю же вам, что это был бес! Сатир! Леший!

– Да-да! – согласно кивала матушка Кезия, но по ее прекрасным глазам было видно, что она ни на медный асс не верила рассказам проштрафившейся послушницы. – Конечно.

– Ночью меня разбудил какой-то подозрительный шорох, – вдохновенно врала Орланда. – Когда вышла во двор, чтобы посмотреть, что к чему, то увидела, как в сторону кладовых крадется кто-то подозрительный. Я пошла за ним. Гляжу, а он взломал дверь и грабит. Кричу: «Стой, мерзавец!» Он рожу поворотил, ан не человек это вовсе, а бес! Здоровенный, с рогами, хвостом, копытами. Ну, точь-в-точь как в вашем, матушка, свитке нарисован. Вот он морок на меня и навел. Слаба я еще, чтобы с нечистой силой тягаться. Вот постриг приму, тогда...

– Врет она все! – перебила ее карга Деянира. – Вот крест святой, врет! Небось, мерзавка, сама замок и сломала. Набила брюхо, напилась и заснула. Утром обхожу с досмотром кладовые, глядь – непорядок. Дверь открыта. Я туда, а там – она! Покарайте ее, матушка, покарайте нещадно. Чтоб другим послушницам неповадно было!

– Это ж виданное ли дело? – подхватила и сестра Сусанна. – Наплевала на Пост! Нарушила запрет! Согрешила против святых заповедей! Неблагодарная! Мы ее, понимаешь, приютили, когда младенцем несмышленным на пороге обители в корзинке нашли. Семнадцать лет поили-кормили, одевали-обували. А она за всю нашу заботу черной неблагодарностью отплатила! Покарать! Непременно покарать!

– Да-да, – лучились холодным сиянием глаза настоятельницы. – Конечно...

Глава 3. ЗАПАДНЯ

Бывать прежде в этом районе города ей как-то не доводилось.

Поди найди в невероятном скоплении многоквартирных доходных домов-инсул, частных жилищ, лавочек, лавчонок, таверн и закусовых этого самого «Буйного кабана». Не спрашивать же прохожих, в самом деле. Зачем привлекать к себе лишнее внимание?...

...Для матери – Ора, а в минуты раздражения – Орлашка, для близких друзей и мужа – Дина, или Динка-Льдинка, для товарищей по оружию – Ласка.

Для горожан и посторонних – воительница славного Сераписского легиона наемников, амазонка, имеющая все положенные солдату одного соединения привилегии. Как-то: право поселиться в городе после увольнения (если увольнение не произошло из-за какого-то позорящего поступка), судиться судом чести легиона по всем делам, за исключением убийства, разбоя и воровства, право входить с оружием в ратушу и так далее.

Что и говорить, войско, где она служила, было знаменито и пользовалось уважением если и не во всем мире, то в весьма большой его части. Наемники из Сераписа, в отличие от большинства своих коллег, не устраивали драк и грабежей в городах, которые защищали, не учили забастовку среди войны, требуя повышения жалованья, и, главное, не были склонны переходить на сторону врага, пообещавшего заплатить больше.

Легион этот действительно был славным воинством.

Примерно лет семьдесят или около того назад произошла очередная великая смута, начавшаяся с того, что Атаульф Клавдий Безумный окончательно сдвинулся.

Тогдашний август Птолемей Сорок Третий Минуций Кроткий (двоюродный дед нынешнего, в то время пребывавшего в почетной ссылке в посольстве при персидском дворе), следуя советам придворных, старался умиротворить разбушевавшегося отпрыска старинных родов, уступая его требованиям и под конец назначив проконсулом всех аллеманских земель.

Но в конце концов его «чужачества» вывели из себя даже добрейшего старика, и он отправил в славный город Колония-Агриппина своих уполномоченных с посланием, где выразил «патрицию Атаульфу Клавдию, своему возлюбленному родичу» высочайшее порицание.

В давние времена, говорят, получив подобное послание, люди вскрывали себе вены или выпивали добрую чарку цикуты.

Но Атаульф, к тому времени окончательно съехавший с катушек, поступил по-другому.

Прямо в приемном зале своего дворца он при всех справил большую нужду на мраморный пол, а потом подтерся императорским эдиктом. После чего еще и разорвал его пополам и швырнул обрывки в лицо оторопевшим послам, заявив, что если, мол, старому ослу Минуцию хочется воевать из-за этой грязной бумажки, то Атаульф, так и быть, доставит ему это удовольствие.

Не успели послы выехать из города, как рехнувшийся проконсул объявил о создании Великой Аллемании, которая должна сменить одряхлевшую будто бы и прогнившую до печенок Империю.

И началось такое, чего в истории не было никогда и нигде. Разве что в Чжунго (где богдыхан, зарезавший меньше миллиона своих подданных, считается слабаком и слюнтяем).

Для начала Атаульф приказал повесить всех высших жрецов Одина, поскольку они-де все сплошь продались Александрии. Затем втрое повысил налоги. После чего объявил набор в легионы.

Депутация трех сотен богатейших купцов Аллемании явилась к нему с низжайшей просьбой прекратить безумие, ибо от разрыва с Империей будут великие убытки для торгового и ремесленного люда.

Разъяренный царек приказал немедленно принести их в жертву Одину.

Свеженазначенный верховный жрец встрял с возражениями: дескать, человеческие жертвы отеческим богам дело, конечно, хорошее, но в древние времена, до их запрета, великому северному богу приносили самых доблестных вражеских воинов, а тут каких-то торгашей.

Атаульф немного подумал и помиловал купцов (правда, предварительно обобрав до нитки). Однако решил, что негоже богу оставаться без обещанной жертвы. А кто будет больше угоден Одину, чём его собственный верховный жрец?

Пришлось тому отправляться в храм и руководить собственным закалыванием на алтаре...

Одним словом, он безумствовал не хуже какого-нибудь Коммода Узурпатора, с той только разницей, что над тем смеялись, а на этот раз плакали. И если половина аллеманов бодро маршировала, вопя: «Слава Атаульфу, отцу нашему!» и воздвигая на собранные деньги статуи оскаленного волка – родового животного вождя, то вторая половина по аллеманской трезвости ума предвидела, что ничем хорошим это всё не кончится. Многие бежали куда глаза глядят, бросая нажитое добро. Таких стали ловить на границах и загонять в трудовые легионы, строившие дороги и добывавшие руду.

Потом Атаульф обвинил во всех бедах мира иудеев и почему-то куявцев с артанийцами и приказал казнить всякого, кто осмелится сказать хоть слово против него. Наконец, загнав всех, кто попался под руку, в казармы, двинул собранную таким путем армию на запад и юг, в Галлию.

Позднее историки издевались, дескать, ну что могло получиться у ушибленного по голове сифилитика? (Выяснилось, что в молодости он в каком-то притоне подцепил заморскую болезнь, разъедающую мозги, а сверх того, пьяный грузчик слегка контузил его пивной кружкой.)

Но в то время жителям Империи от Рейна до Мелькартовых столпов было не до смеха.

Ведь хотя сам Атаульф в воинском деле ничего не понимал, но его армией командовал один из величайших полководцев писанной истории – бургундский дукс Теодорих Вальдштейн.

План его был прост и гениален. Не отвлекаясь на второстепенные бои, двинуть армию к Серапису, рассекая империю надвое и отрезая запад от востока, а затем, посадив отборное войско на корабли, плыть в Египет, обороняемый всего тремя преторианскими легионами.

В двух сражениях прорвав линию обороны, которую спешно воздвигли стянутые на Рейн войска британцев, франков и кельтов, ландскнехты Теодориха беспрепятственно прошли до самого Срединного моря, оставляя позади себя лишь трупы и развалины.

Все решили, что Серапису пришел каюк: стены его не ремонтировались уже лет как двести, а из защитников имелась лишь когорта морской пехоты, стоявшая тут для борьбы с пиратами.

И еще в городе были наемники, ибо Серапис издавна был местом сбора их отрядов и именно туда отправлялись те, кому были нужны храбрые вояки, готовые сложить голову за деньги. Собралось их примерно так тысяч двадцать – двадцать пять: как раз в Янтарном море и у бриттских берегов назревали большие неприятности с норманнами, и купцы собирались подстраховаться. И нашелся среди готовых уже бежать куда глаза глядят отцов города один, Биберий Трималхион, который и предложил нанять этих людей для того, чтобы остановить Теодориха. Над ним сначала посмеялись. Что свирепым воякам, сокрушившим легионы всех западных провинций, кроме иберийских (там их просто не было), какие-то наемники. Потом

даже поговаривали, что магистрат просто намеревался выиграть время, чтобы, пока аллеманы будут резать наемный сброд, успеть погрузить на корабли добро и семьи и отплыть прочь. Сами наемники тоже не были простаками и понимали, что к чему. Но кроме этого, они хорошо представляли, что случится с богатым и мирным городом, когда на его улицы ворвутся озверевшие тевтоны. И, проявив вообще-то редко свойственное им благородство, согласились оборонять Серапис за обычную плату, хотя Теодорих присылал к ним своих людей, предлагая сохранять нейтралитет и обещая не трогать их в таком случае. В тридцати милях от города, в безымянной дотоле, а ныне знаменитой далеко за пределами Сераписа Долине Костей и произошла ставшая знаменитой Трехдневная битва. Там полегло пять шестых всего наемного войска, не отступив и не пропустив врага к воротам чужого, в общем-то, города. Подсчитав понесенные потери, Вальдштейн приказал повесить всех уцелевших офицеров рангом выше тысячника и повернул назад. Ему, в довершение всего, пришлось отступать тем самым путем, который он прошел перед этим. По разоренной бравыми ландскнехтами местности, где и воронам с волками было мудрено прокормиться.

Эта битва и стала началом конца и самого Теодориха, и Атаульфа, и скороспелого Аллеманского королевства. Как потом написали хронисты, собственно в Долине Костей был развеян миф о непобедимости аллеманов. Именно с той битвы и началось падение их державы, которой будто было суждено стоять тысячу лет.

Когда спустя год имперские солдаты ворвались в колонский дворец великого вождя всех аллеманов, Атаульф, оставленный приближенными, заканчивал очередную речь, которую предполагал произнести при падении очередной столицы. Кажется, это была Кадута – тогдашняя столица Зембабве. (Подобных речей бесноватый патриций заготовил впрок штук пятьдесят.) И пришлось одного из самых кровожадных злодеев современности отправить не на суд и казнь, а в заведение для скорбных умов, при храме Эскулапа, где он и умер через пять лет, доставая служителей вопросами, нет ли вестей от войска, которое он отправил на завоевание спутника Геба – Селены?

Империя, как это бывает, не слишком щедро вознаградила своих спасителей: командирам наемников посмертно дали титулы нобилей, словно в насмешку указав, что титулы пожизненные и по наследству не передаются.

Но зато горожане не забыли, кому обязаны тем, что сохранили головы на плечах.

Всем уцелевшим наемникам было даровано гражданство Сераписа и пожизненное освобождение от податей. Более того, аналогичные права получили и семьи погибших, которым было предложено приехать в город и поселиться там, причем им безвозмездно выделили пустовавшие после эпидемии холеры дома.

Так и возник Сераписский легион вольных воинов.

Среди двадцати тысяч солдат, значившихся по реестру в легионе, женщин-воительниц насчитывалось чуть меньше тысячи.

И среди них попадались всякие.

Например, Хильдур – огромная, ростом в семь с половиной футов свейка, опцион (подсотник) панцирной пехоты, да не простой, а ударной центурии. Ее топор обычный вояка мог поднять только двумя руками. Или Смолла Смолёная – командир когорты метателей огня, носящая несъемно шелковую полумаску, чтобы скрыть глубокие ожоги на лице.

Но основная масса слабого пола, выбравшая так или иначе для себя военную карьеру, была из того же разряда, что и Орландина. Легкие пехотинцы, егеря, лучники (даже не арбалетчицы – стрелометы были оружием тяжелым и требовавшим немалой физической силы). И, конечно, прознатчики. Три десятка, возглавляемые приемной матерью Ласки, Сэйрой.

Матушке было много годков – пятьдесят или около того. До этих лет доживают отнюдь не все женщины. Сколь много их помирает, рожая мужу седьмого или десятого ребенка! А уж подавно – далеко не все воины.

Она не рассказывала ни про то, где родилась, ни про юность, ни о том, как стала наемницей. На все расспросы о ее родителях односложно отвечала, что те давно умерли и вообще детство помнит очень плохо. А на вопросы о том, почему стала воительницей, ответила только раз, будучи крепко выпившей и наскучив приставаниями маленькой дочери.

Зло и одновременно горько усмехаясь, сказала, что случилось это с ней, потому как на всякой войне прежде всего горят три вещи: хлеб на полях, лачуги бедняков и девичья честь.

А потом вдруг расплакалась.

Одинокая, уже далеко не молодая воительница подобрала Орландину на дорогах войны. Как признавалась сама, чтобы было кому скрасить последние годы ее жизни.

По словам старой Сэйры, она нашла девочку на Эсторской дороге, когда ее отряд отступал вместе с беженцами из стертой аварами с лица земли Виенны.

Было малышке годика полтора, и ничего, кроме нескольких слов, вроде «мама», «тетя», «хлеб» да своего имени, она не выговаривала.

Только это имя, странное, нездешнего звучания, да еще медальон старого серебра с амethystовым узором и непонятными письменами – вот и все, что оставили ей неведомые родители.

Иногда, нечасто, Орландина пыталась вспомнить, что было до того. Но, как ни старалась, не могла. Словно заколдовал кто-то...

...Ага, вот, кажется, и искомый зверь.

На вывеске одного из заведений, приютившегося в полуподвале четырехэтажной инсулы, была неумело нарисована животина, лишь отдаленно напоминавшая грозного секача. Вокруг оскаленной морды, выставившей огромные клыки, вилась надпись на латыни и отчего-то на священном языке.

«Какой же умник постарался?» – хмыкнула девушка.

Неужели в это место забредают люди, разбирающиеся в иероглифах? Сомнительно.

Спустившись по ступенькам «Буйного кабана», Орландина огляделась.

Сразу было видно, что заведение это относительно приличное. Во всяком случае тут никто не предложит обменять жизнь на кошелек и не потащит случайно забредшую сюда женщину на задний двор, на ходу сдирая с нее юбку.

Народ в таверне сидел самый разный: моряки, дровосеки, возчики.

Кое-где за столиками играли в кости, в «три скорлупки» и даже в «88 карт» – мода, уже на памяти Орландины принесенная моряками из далекой Чжунго. Вначале карты были такие же, как и у раскосых кхитаев. С обряженными в длинные халаты мандаринами, похожими на кроликов дамами с дурацкими прическами, драконами и единорогами-цилиндрами. Теперь же появились и местные варианты – с пиратами, легионерами, цезарями, квесторами, магами. И даже и такие, где изображены разные знаменитые красавицы-царицы, вроде Боуддики Эйринской или Клеопатры Великой. Причем показаны они были в совершенно неприличном виде, безо всего.

Устроившись за столиком, девушка шелкнула пальцами, и хозяин появился как из-под земли.

– Вина, пива, мяса отважной воительнице? – осведомился деловито. – А может, водочки? Она помотала головой.

– Кофе.

– Один кофе? – Трактирщик был явно разочарован.

– Да, один, натуральный, без цикория, – повторно разочаровала его Орландина и, решив чуть подсластить пилюлю, добавила: – С коричневыми сухариками.

Через минуту милостивый юноша-слуга принес ей небольшую чашку кофе, благоухающего свежесжаренными зернами, и большой стакан холодной воды, которой полагалось этот кофе запивать.

В фаянсовом блюде горкой лежали припудренные толченой корицей ячменные сухарики.

– Уважаемая больше ничего не желает? – вежливо поклонился парень. – Есть отличное ирландское виски...

Она невольно поморщилась. То, как молодой человек назвал Эйрин, изблещило в нем аллемана или, того хуже, какого-нибудь датчанина. Прямо-таки просится на язык: «Понаехали тут!»

Одернула себя – ведь, если вдуматься, про нее можно сказать то же самое.

Впрочем, она ведь не кто-нибудь, а воин славного Сераписского легиона наемников. Это уже немало значит.

– Обойдусь, – бросила ожидающему ее решения половому.

И, расслабившись, начала потягивать кофе, между прочим, оказавшийся, против ожидания, не таким уж плохим. Наверное, из самого Аунако привезли, из-за Океана.

За соседним столиком пристроились несколько немолодых мужиков со знаками цеха мясников. Поглощая буйволоный окорок, они вспоминали бурное прошлое.

Орландина прислушалась, в удивлении приподняв брови. Дядьки говорили о Большом Карфагенском бунте, который приключился лет за десять до ее рождения. Тема для публичных разговоров неуместная. Из тех, за которые можно схлопотать пару месяцев отсидки в Гладоморне.

– А вот, помню, когда вешали адвокатов... – сыто рыгая, цедил один из них, вгрызаясь в дымящееся мясо.

Девушка усмехнулась про себя.

Ее приемная мать участвовала в «восстановлении законности и порядка» в Новом Карфагене – так это называлось – и кое-что порассказала насчет всех тех старых дел.

– Добрый день, Ора, – прозвучало вдруг у нее за спиной. – Не скрою, я удивлен...

Обернувшись, Орландина узрела тщедушного немолодого священника в бело-коричневой сутане, с крестом святого Смаргла на груди.

– Ты, в этом месте и в таком одеянии! Ужас! Куда только матушка смотрит?! – Дедок всплеснул руками и закатил очи горе. – Я, конечно, принадлежу к другой конгрегации, которая враждебна вашей, и не вмешиваюсь в вашу жизнь! Но все же, на правах старшего, я вправе...

Амазонка потрясла головой, отгоняя тягостное недоумение. Она частенько поминала святого Смаргла, но это не причина, чтобы какой-то незнакомый жрец учил ее жить! А главное, при чем тут ее матушка? И, кстати говоря, чем ему не нравится ее одежда? Она, между прочим, оделась в свою лучшую жилетку с разноцветными ромбами! Да, согласна, женщина в штанах – даже для Сераписа зрелище необычное. Тем более таких, как у нее, – широких шароварах куявского фасона (как выразился про них один из ухажеров, Серко, «шириной с весь Эвксинский Понт»). Ну. так что с того?

Старая Сэйра, бывало, ругала дочку за внешний вид, но разве что за непорядок в одежде, а не за то, что именно она надевает. Крупная размолвка случилась только один-единственный раз – когда она, в возрасте тринадцати лет, решила напялить на вечеринку блузку дешевого желтого шелка, выпрошенную буквально со слезами у дочери соседа-седельщика, короткую настолько, что заканчивалась даже не на талии, а прямо под грудью.

– Уважаемый, что-то не припомню, чтобы нас знакомили, – с наибольшим сарказмом, на какой только была способна, заявила Орландина. – Но вот что я вам скажу... – И сквозь зубы процедила: – Отвянь, длиннорысый... Не про тебя товар.

Он оглядел ее – на этот раз с откровенным страхом, как будто у нее выросли рога и хвост, и, покачав головой, покинул трактир. Лишь жалобно зазвенели монеты в кружке для подаяний, свисавшей с его пояса.

Прознатчица с недоумением смотрела ему вслед.

Запоздало подумала, что, может, зря обидела хорошего человека, да еще вроде как маминго знакомого.

Надо будет расспросить матушку Сэйру насчет приятелей-священников, а заодно – навесить ее.

Да, прямо сегодня вечером, когда закончит работу, и зайдет.

Шло время. Никто не появлялся. Кофе был давно выпит, и давешний подавальщик несколько раз неторопливо проходил мимо ее столика. В тавернах было не принято сидеть просто так.

Когда юноша прошептал в очередной раз, она небрежным жестом подозвала его и, бросив мелкую монету, заказала кружку самого дешевого пива.

Сдув пену с кружки, слегка пригубила бурый франкский бриттер – редкостная гадость. Не то что куявское. Ну да пить его она не собиралась. И мстительно подумала, что этот сестерций она нарочно, из принципа взыщет с Захеса дополнительно.

Сказать откровенно, курьера Орландина проморгала.

Вроде шел к стойке очередной посетитель, парень с бегающими глазками, на лице которого не было ничего, кроме желания пропустить стаканчик.

И вот он резко изменил траекторию движения и уселся напротив нее.

– Привет, – поздоровался, – я за товаром. Это тебя, что ли. старый крыс прислал? Я ведь не сразу и признал тебя.

Она непроизвольно улыбнулась. Лицо собеседника тоже показалось ей смутно знакомым. Может, и виделись когда в конторе Захеса. «Старый крыс» было довольно точным определением коротышки.

Посыльный оглядел Орландину так и сяк:

– Ну и вырядилась ты, девица, просто полный отпад! И как тебе только матушка позволила?

Какое-то смутное подозрение возникло в душе Орландины, возникло и сгнуло. Она по-прежнему никак не могла вспомнить, где пересекалась с этим нагловатым парнем, от которого за версту разило Нахаловкой, но мало ли? Всякую шваль помнить – никаких мозгов не хватит. Но вообще-то странно: чего они все сегодня цепляются к ее тряпкам?

– Не, а тебе идет, – ослабил курьер щербатым ртом. – Самое то!.

– Слушай, друг, давай-ка делай то, зачем пришел, и разбежались! – не давая ему развиться потоком грубых комплиментов, за которыми обычно следует предложение погулять где-нибудь за городом в лесочке, оборвала его Орландина. – У меня времени нет.

При этом продемонстрировала вынутый из-под жилетки сверток, переданный ей Захесом.

– Ну как есть воительница! – не слишком понятно ответил парень, еще шире ухмыльнувшись. – Ладно, как скажешь!

Из висевшей на поясе сумки он извлек объемистый кожаный мешок, а из него – аккуратный сверток, тут же перекочевавший под столом к Орландине. Та крепко ухватила его, намотав завязки из прочных кожаных ремешков на запястье.

«Что-то он тяжеловат для бумаг!» – слегка встревожилась девушка.

– Ну, пока, амазонка, глядишь, свидимся, – бросил, мазнув ей по груди и шее откровенно похотливым взглядом.

Спустя несколько мгновений он уже исчез.

Встав и сунув оставшиеся сухарики в карман, тронулась в путь и Орландина.

Теперь путь ее лежал в другое место, где нужно было отдать векселя, – в инсулу «Три кашалота». И скорее бы покончить с этим делом!

Хвала богам, идти было не слишком далеко. Полчаса пути переулками Северной стороны, и вот, полюбовавшись памятником Астериксу и Обеликсу – двум телохранителям Цезаря, вынесшим тело своего господина из сената, а перед этим прикончившим всех его убийц, Орландина подошла к парадному входу «Трех кашалотов», что стояли на площади имени отважных галльских героев.

Смутная тревога не отпускала девушку. Вообще-то местечко это, как и то, где произошла ее предыдущая встреча, не пользовалось самой доброй славой, что называется, было с душком.

И пожалуй, с Захесом она больше связываться не станет. Уж больно сомнительного свойства делишки. Может, стукнуть на него центурионам? Те не любят, когда вокруг легиона начинают крутиться всякие подобные личности. Репутация, она тоже чего-то стоит!

Войдя в вестибюль, отделанный черным дубом, Орландина направилась к привратнику, сидевшему за такой же дубовой, на века сколоченной стойкой.

– Привет, – небрежно бросила она. – Я ищу Адраста.

Полусонный страж окинул рыбьим взглядом.

– Первый этаж, дверь в конце коридора...

Постучавшись в указанную дверь, Орландина переступила порог. Неопределенное, но неотвязное чувство опасности назойливым комаром зудело у нее над ухом, однако отступить было поздно.

Да и что, в самом деле, тут могло ей грозить? Хотя, признаться, зрелище компании, собравшейся в комнате, не прибавило ей оптимизма.

С полдюжины человек, на вид вроде обычные горожане, но вместе с тем какие-то темные, нехорошие.

«Если это купцы, то я – жрица Весты...» – промелькнуло у нее в голове.

Единственным, кого она тут узнала, был человек, при виде которого Орландине стало неуютно.

Это был Мачо Пикчу Быкобойца.

Он приехал в Серапис лет пять назад и быстро прославился своей невероятной силой, с помощью которой и зарабатывал на жизнь, выступая в легальных и подпольных турнирах борцов (вторые отличались от первых лишь тем, что ставки были выше, а трупов после них выносили куда больше). Уже давно его не выпускали на ринг иначе, как против двоих сразу, а то и против троих. В промежутках он подрабатывал телохранителем, а заодно вышибал долги из тех, за кого не мог подписаться кто-нибудь из авторитетных деятелей «ночного мира» города. Кличку свою Мачо Пикчу получил потому, что обожал рассказывать, как в родных краях, где-то чуть ли не за Океаном, выступал в гладиаторских боях с животными, особенно любив сражаться с быками, которых убивал одним ударом кулака (и в это можно было легко поверить). Вполголоса поговаривали о том, что на его совести не одна загубленная жизнь.

– Я от Захеса! – хрипло молвила амазонка. – Должна передать кое-что Адрасту.

– Ну я Адраст, – представился один из присутствующих, со вполне бандитским шрамом на шее. – Заждались-заждались... Давай сюда, что ли, дева-воин...

Усилием воли Орландина остановила руку, машинально готовую лечь на эфес палаша. В таких ситуациях главное – не показать, что боишься, не демонстрировать своей неуверенности, ибо люди определенного склада чувствуют чужую слабость, и тогда пиши пропало – вцепятся, как шакалы в подранка.

Расслабленным жестом протягивая сверток Адрасту, она как бы невзначай остановилась так, чтобы окно оказалось сразу за ее спиной. При этом изо всех сил делала вид, что поглощена изучением стоявших тут же на столе напитков и закуси.

– Стакашку не нальете? – осведомилась.

– Погоди. – Адраст внимательно изучал пакет. – Сначала дело. Хм, – с недоверчивой миной взвесил он груз на руке, – а чего так много?

– Откуда мне знать? – пожала плечами Орландина. – Я внутрь не заглядывала.

– Ну добро. При тебе вскрыть или как?

– Давайте, – кивнула девушка. – А то разное бывает: потом еще скажете, что там чего-то не доставало...

Буркнув под нос что-то вроде: «И что он тут навертел», Адраст порвал завязку, встряхнул сверток и замер, издав что-то похожее на тонкий писк.

Пакет выпал из его рук, и амазонка автоматически подхватила его, продолжая пялиться на поверхность стола, куда просыпалась часть содержимого.

Третий или четвертый раз за всю недолгую жизнь Орландина на себе ощутила, что столь любимые сказителями и певцами слова о замершем сердце, оледеневшей душе и остановившемся в испуге дыхании – не выдумка.

На столе аккуратной пирамидкой высилась горстка мелких, похожих на пыль синевато-зеленых кристаллов...

Почти минуту все присутствующие, не отводя глаз, созерцали эту картинку. Затем уставились друг на друга.

– Да вы чего... – первой пришла в себя прознатчица.

«Всю требуху этому шакалу Захесу на рыло намотаю!»

И тут громовой удар сотряс двери «Трех кашалотов», за чем последовал лязг стали, многоголосые вопли, истошный женский визг.

– Всем стоять, стража магистрата!! – прогремел не знающий пощады голос.

– Продала, сука!! – взревел Быкобойца, отшвыривая с дороги стол вместе с кем-то из некстати подвернувшихся под руку сообщников.

Изо всех сил оттолкнувшись ногами, Орландина сделала обратное сальто, головой врезавшись в жалобно хрустнувшие пластинки слюды.

Уже во дворе, перекувыркнувшись на месте, вскочила и, не раздумывая, подлетела к забору. Грохот в только что покинутом помещении, крики и перекрывающий все жуткий рев обезумевшего от ярости Мачо Пикчу подсказал ей, что она убралась очень вовремя.

Перепрыгивая на ту сторону забора, на захламленный дворик ветхой халупы, девушка на какое-то мгновение успела зафиксировать то, что осталось за ее спиной: мечущиеся в окнах второго этажа фигуры в синих куртках стражи и застрявшего в окошке Быкобойцу, из груди которого на целый фут высовывалось острие пики.

А затем полыхнуло багровым и, выплюнув облако черного дыма, зашипела гигантская змея.

«Дикий огонь! Нет, ну что за денек?!» – подумала девушка, когда ее ноги коснулись земли с другой стороны забора.

И лишь тогда она обратила внимание, что по-прежнему сжимает в руке проклятый сверток...

...Род людской издавна привык себя одурманивать.

Уж таково свойство человека, что не может он прожить, чтобы время от времени не употребить чего-то, что затуманит разум, который только и отличает его от бессмысленного животного, и хоть слегка к сему животному приблизиться.

Хотя как сказать, ведь и сами животные не чужды этого. Взять тех же обезьян (как говорят просвещенные люди, вроде вендийских браминов и ахайских философов, обезьяны состоят с людьми в весьма близком родстве). Рассказывают, что в землях черных людей мар-тышки набивают дупла баобабов подгнившими фруктами, замуровывают их глиной и через пару недель, взломав стенку, устраивают гулянку. Совсем как студиязусы в академии, тайком от профессоров и надзирателей варящие в своем общежитии бражку.

Иногда на эти бродильные чаны натываются слоны, и тогда и звери, и люди разбегаются прочь от весело вытанцовывающих гигантов.

Во всем мире люди знают толк в хмельном.

На берегах Срединного моря народ больше уважает вино, в Аллемании, бриттских землях, Эйрине и Норландии – пиво, в Троецарствии – медовуху.

Если хочется чего покрепче, то можно залить то же вино в перегонный куб, изобретенный премудрыми египетскими жрецами, или, если климат подходящий, выставить пойло на мороз, получив одинаково быющую что по мозгам, что по ногам медовую или пивную «ледянку».

Есть и иные средства, по большей части предосудительные.

Артанийцы с кувяцами вдыхают дым конопляного семени и пыльцы. Саклавийцы про-бавляются мухоморным отваром, по примеру своих подданных – плосколицых самоедов из северной тайги.

Просвещенные римляне, ахайцы и египтяне с берегов Срединного моря делают настой черного мака в крепком вине. Вендийцы и парфяне вкушают сому, приготовляемую в горных монастырях по древним рецептам времен Атлантиды и Лемурии, от которой во сне улетают в другие миры. В Чжунго употребляют и то, и это, но больше всего уважают супчик из маковой соломки. В Заморских королевствах жуют листья какого-то горного кустика и сушеные кактусы, заедая грибочками. В Зангези и Конбо – кору дерева ихимба, от которой наливается силой тело и становится весело (правда, и то и другое ненадолго).

Все это (что раньше, что позже) губит здоровье, лишает разума и делает человека рабом. Рабом зелья и рабом того, кто это снадобье делает и продает.

Но нет ничего сильнее и опаснее «голубой пыли» с Авалонских островов. И ничего, что стоило бы дороже. Ибо дарит она видения блаженнее, длиннее и чудеснее, чем даже самая лучшая сома. Ибо быстрее прочего дает привычку, которую уже почти немислимо перебороть.

Хроники гласят, что из-за пристрастия эйринских царей и нобилей к сине-зеленым кристаллам пал древний Эйрин.

Посему тем, кто был причастен к их изготовлению, распространению и употреблению, в новом Эйрине грозило зарывание в землю живьем, у кельтов – скармливание священным волкам, у свеев – утопление в кожаном мешке вместе сдохлыми крысами, а по законам Империи, отличающимся гуманизмом, – просто виселица.

В Сераписе того, кто продает или хранит «голубую пыль», лишали головы. Это при смягчающих обстоятельствах...

...На цыпочках прокравшись вдоль забора, девушка осторожно выглянула из-за поворота.

Переулок перегораживали четыре стражника с пиками наперевес, кроме того, у двоих были взведенные арбалеты, но Орландина вовсе не имела желаний прорываться с боем и героически умирать.

Бесшумно отбежав шагов на двадцать, она перебралась через ограду и оказалась во дворе какого-то благонамеренного обывателя Среднего города.

Бренча цепью малость потоньше якорной, из угла к ней с рычанием метнулся здоровенный кобель, грозно раззявив клыкастую пасть. Но, увидев блеснувший в руке предполагаемой

жертвы клинок, сменил рык на тихий визг и шустро убежал обратно. Видимо, хорошо знал, что это такое и что можно при помощи этакой штуки сделать даже с самой злобной псиной.

Это было и к лучшему: сражаться сейчас с кем бы то ни было она не хотела. Боевой задор постепенно отступал.

При всей своей решительности и боевом опыте она все же была простой восемнадцатилетней девчонкой и ее далеко не каждый день пытались прикончить знаменитые убийцы да еще заодно поджарить «диким огнем». А стражники охотились на нее вообще первый раз в жизни. И что дальше делать, она не представляла.

Еще этот треклятый пакет! Выбросить его здесь же, и вся недолга.

Уже и замахнулась было, чтобы выполнить то, о чем помыслила. Да передумала. Надо бы на досуге рассмотреть получше.

«На досуге!» – ухмыльнулась зло.

Знать бы, когда он теперь ей выпадет, досуг-то.

Перепрыгивая через заборы, пробираясь огородами, проскакивая переулками, Орландина отчаянно думала, что ей делать. И чем больше думала, тем противнее ей становилось.

Глава 4. ПОСЛУШАНИЕ

Орланда с опаской огляделась по сторонам.

Она недолюбливала это место. Чем-то зловещим веяло от старых мраморных и гранитных надгробий, обелисков, статуй, которые напоминали о том, о чем ей страсть как не хотелось думать. О смерти, вечности.

Вечность.

Бр-р. Прямо мурашки по коже.

А еще эта надпись при входе: «Memento mori».

Помни о смерти.

Хорошенькое дело! Еще и не пожила толком, а со всех сторон лишь и слышит о том, что нужно готовиться к переходу от бренного бытия к жизни вечной.

Впрочем, кажется, это самое предостережение следовало понимать как раз в том смысле, что нужно спешить жить. Наслаждаться каждой минутой своего земного существования. Ибо за гранью его уже ничего не будет. Так, по крайней мере, объяснила любопытной послушнице смысл Надписи покойная матушка Сибилла. Прежняя настоятельница, которая была до Кезии.

Вон и ее могила. Скромная, без всяких надгробий и надписей золотом.

Кладбище, где хоронили умерших монахинь, находилось рядом со старым Городом Мертвых. Но не в одной с ним ограде. Естественно, ведь не могли же исповедовавшие веру истинную лежать на неосвященной земле рядом с язычниками. Да еще и мумифицированными. Грех-то какой! Сказано же: «Из праха в прах». Значит, нельзя издеваться над умершими и класть их следует прямо в сырую землю.

Обо всем этом рассказывала Орланде добрая Сибилла.

Девочка мало что понимала из повествований матушки, но согласно кивала и поддакивала. Когда к месту, а когда и невпопад. Старушка не журила ребенка за невнимательность, а только печально вздыхала и гладила сиротку по голове. А потом угощала, чем Бог и добрые люди посылали. То орешков каленых горсточку даст, то медовый пирожок, то сладких желтобоких груш.

Два года назад Сибилла умерла. Тихо скончалась во сне.

На ее похороны пришла чуть ли не половина жителей Сераписа. Причем христиан среди них было не больше десятой части. Орланда воочию увидела, как уважали ее наставницу люди. И не потому, что была она, как оказалось, знатного рода (на похороны прибыли личный посланник августи Птолемея и представитель Святого Острова). А оттого, что жила праведно, по заповедям Божьим и человеческим, не отказывая в помощи и слове добром никому, независимо от того, каким именем называл нуждающийся своего бога. При Кезии в обители воцарились иные порядки. Для приема бедных и просящих был отведен особый притвор. И сама новая настоятельница там показываться не любила. Так, иногда забредала по великим праздникам, чтобы подать малую милостыню. А большей частью общалась с патрициями, богатыми торговцами и чиновниками. Наверное, считала, что они сильнее, чем нищие, нуждаются в утешении и поддержке духовной. Сказано ведь, что «легче верблюду пройти через игольное ушко, чем богачу войти в царствие небесное». Вот и необходимо сделать путь этот менее тяжким.

Особенно же сошлась с Газдрубалом, заместителем главы тайной полиции Сераписа. Центурион частенько навещал Кезию, обычно под вечер, и они уединялись в келье настоятельницы. А еще матушка окружила себя хорошенькими послушницами. Для услужения. В рукоделии там подсобить, за одеждой присмотреть, в термах мочалку или ковш с водой подать. Да мало ли какая работа найдется. Хотела было и Орланду к себе приблизить, Но что-то не срослось у них между собой. Никак не могла девчонка забыть Сибиллу. Дичилась, замкнулась в себе. А кому охота все время глазеть на кислую физиономию?

Вот и на этот раз. Призвала к себе в личные покои и назначила послушание за ночную провинность. Говорила слова странные, непонятные, в глаза девушке не смотрела. Отвернулась к Жну. Словно и не с Орландой разговаривала.

Надень то, поди туда, отдай одно, принеси другое. Береги пуще глаз. В случае чего прячь и беги сломя голову.

Что за тайны непонятные?

И, главное, зачем весь этот маскарад?

Заставила переодеться бог знает во что. Нет, оно, конечно, забавно походить в том, во что обычные городские девчонки рядятся. Как на Орландин вкус, так новое платье ей ужасно шло. Будто на нее шили. Но все равно чувствовала она себя в нем неловко. Слишком открыта шея. И руки. Да и коротковато, так что щиколотки видно.

Хорошо хоть карманы большие. Есть куда пристроить верного друга-приятеля. Не сидеть же кусику взаперти, если представляется такой случай.

Прогулки в город послушниц до принятия ими пострига уставом обители особо не рекомендовались. Чтобы лишний раз не прельщаться мирскими соблазнами. Так что каждая вылазка в Серапис была для монастырских девчонок чем-то сродни награде.

Нет, до чего же все-таки здесь неприятно.

А сестра Ириная почти каждый день гоняет послушниц вдоль рядов старых могил для смирения духа. Вот-де, что остается от гордых и злонравных. Как будто смиренных и кротких не ждет та же участь.

Орланда уже наизусть знала все окрестные «достопримечательности».

Вон, например, обелиск над могилой Биберия Трималхиона, героя Трехдневной битвы. Скромный, без всяких излишеств.

Биберий скончался всего полвека назад. И, по правде говоря, должен был бы упокоиться в новой Долине Мертвых. Но из уважения к его заслугам магистрат принял решение о захоронении останков славного земляка здесь, где лежали те, имена которых были золотыми буквами вписаны в долгую историю Сераписа.

А вот это, бок о бок с обелиском дяди, висится мраморная недостроенная усыпальница Публия Трималхиона. Гигантская и уродливая, украшенная по новой моде витыми ракушками, гроздьями винограда, корзинами с фруктами и порхающими амурчиками.

Интересно, сколько ауреусов отвалил банкир цензорам, чтобы заполучить этот земельный участок? И чего это в ней сегодня работы не ведутся? Или праздник какой? Так ведь Пасха, вроде бы, послезавтра. Хотя у этих язычников почти каждый день торжества.

Девушка уже было прошла мимо белой громадины, как вдруг ее взгляд зацепился обо что-то, резко выпадавшее из общей картины.

Бронзовая витая решетка, прикрывавшая вход в гробницу, была чуть отодвинута. И из образовавшейся щели торчала босая нога, густо покрытая рыжими волосами.

Тревожно екнуло сердце. Не случилось ли чего-либо дурного?

Забрел случайно какой-нибудь бедолага ночью на кладбище, а тут из темноты появилась ожившая мумия...

Орланда даже зажмурилась, представив себе все кошмарные последствия подобной встречи. Менее экзотические варианты ей и в голову не пришли. Ну что, скажите на милость, интересного в том, если усыпальницу банкира облюбовал себе в качестве ночлежки бездомный пьянчужка?

– Э-эй! – осипшим от волнения голосом позвала она. – Вы там живы?

А сама уже намылилась бежать обратно, в монастырь, звать на помощь.

Ни ответа, ни привета.

Точно, покойник. Вот так неожиданный «жилец» нарисовался у Публия Трималхиона. Или правильное будет «нежилец»?

Повертев головой, Орланда заприметила длинную палку и, подобрав ее, ткнула острым концом прямо в голую пятку.

Нога, зашевелив пальцами, дернулась. Из усыпальницы донеслось негромкое хихиканье. У послушницы немного отлегло от сердца. Живой. Уже легче.

Но какого... То есть зачем этот «кто-то» прячется среди могил? Может, он преступник, расхититель гробниц? Нужно немедленно сообщить, куда следует. Найти кого-нибудь из кладбищенской стражи и направить сюда. А самой следовать дальше. Ведь у нее же послушание!

– Снова ты, девуля, страннику покоя не даешь, – проскрипел неожиданно знакомый голос.

– Ой! Кто это?

Из кармана донеслось радостное повизгивание Ваала. Вслед за ним появилась и сонная мордочка самого зверька.

– Признал? А говорят – тварь неразумная, бессловесная. Не стой столбом, дочка, давай, заходи в гости.

Вместо ноги из-за решетки появилась рука. Столь же рыжеволосая. И поманила пальцем.

– Ишь какой! – взвилась послушница. – Нашел полоумную! Лучше сам выходи на свет божий! Или боишься?

– Есть маленько, – покладисто согласился голос из усыпальницы. – Снова начнешь почем зря шуметь, махать ногами и руками. Не ровен час, набегут стражники или, будь они неладны, твои вороны-сестры. А нам, князьям тоись лесным, не вольно лик свой казать, кому ни попадя.

– А я как же? – заинтересовалась девушка и непроизвольно сделала пару шагов вперед.

Предатель кусик выскочил из кармана и юркнул в гробницу. Через минуту оттуда донеслась такая разухабистая трель, что Орланда сразу поняла: Ваал обнаружил нечто вкусенькое.

– Сам не пойму, – вздохнул сатир, наконец-то выбравшийся из тени. – По всем приметам, не должна б ты была меня видеть. Отвел я глаза всем вашим. – Он почесал в затылке. – Да ты проходи уже, коль пришла. Угощу маленько. Успел вчерась кой-чего прихватить из заветной кладовочки вашей.

– А почему «заветной»?

Ноги сами несли ее вперед. Еще четыре шага, и вот она уже внутри банкирского последнего приюта.

Отделочные работы здесь только начались. Но у дальней стены уже стоял массивный саркофаг из розового гранита. Он-то и служил лешему-пилигриму в качестве пиршественного стола. На крышке, покрытой священными иероглифами, были разложены вкусно пахнущие яства, при виде которых рот девушки тут же наполнился слюной.

Ваал уже деловито трудился над почтенным кусочком колбасы. На мгновение прервавшись, он призывно хрюкнул, дескать, присоединяйтесь.

– Давай, милая, закусывай. Небось, залили тебе сала за шкуру за вчерашнее?

Гостья хмуρο кивнула.

Честно говоря, она просто не знала, как себя вести. По поводу подобных созданий у богословов не было единой точки зрения.

Одни считали их детьми сатаны и прислужниками греха – всех без исключения. Другие предполагали, что есть среди них и те, кого Господь сотворил в неисповедимости своей для какой-то надобности.

Сошлись на том, что слуги ада должны бояться креста и молитвы, но кто ж их разберет!

Подружки ее говорили то о встрече с домовыми, то о знакомстве с эльфами и гномами, и тому подобное. Причем разговоры были обычно в таком духе: «Сама я не видела, но мой дядя слышал своими ушами от троюродного деда, а про того говорили, что врать он не будет».

А она сама встретила с представителями этого мира второй раз в жизни.

Если судить по книгам, сатиры-лешие – это грубые сладострастные мужчины, одержимые похотью. Этот на одержимого не походил – скорее уж на старенького Виндекса – их садовника, умершего в прошлом году, человека доброго и мудрого, хоть и неграмотного.

Впрочем, в далекой Куявии почему бы сатирам не быть такими?

– Поня-атно-о, – протянул бес– Заклятие невидимости сломала и думала, что пройдет даром.

– К-какое з-заклятие? – Надкушенная куриная ножка так и шлепнулась обратно на розовый гранит.

– Сказывал же, заветная кладовочка. Кто-то сильный и могущественный наложил на нее закливание, чтоб не всяк мог ее найти. Вот только для чего, никак в толк не возьму. Не для того же, дабы хоронить там от голодных баб сало да пиво. Чай, для чего-то посерьезнее.

– Сам-то как туда попал? – уела его Орланда.

Леший самодовольно ухмыльнулся и похлопал себя по волосатой груди.

– Нам чегой? Мы ж, грю, князья лесные тоись, насчет всяких заговоров доки. Дунул, плюнул куды надоть, дверца и отворилась. А вот ты дело иное. Тут бы помозговать, дык времени нету. Уйду сегодня в ночь. Вот лапти доплету и уйду восвоюси.

Ткнул пальцем в странную обувку, сплетенную из древесной коры, что лежала здесь же, на саркофаге, рядом с заветной «ветхой котомочкой». Одна сандалия была уже полностью готова, а вторая – лишь наполовину.

– Ты уж не выдавай по старой дружбе-то! – подмигнул он. – Авось, когда и пригожусь. Чую, чую, девонька, что еще встретимся. А где и как, про то одни верхние ведают. Куда лыжи наострила? – И заметив, что собеседница не совсем поняла, уточнил: – Собралась куда, грю?

Ох, а ведь и впрямь спешить нужно! Послушание же...

– В город, – коротко отрезала и резко скомандовала Ваалу: – Место!

Кусик нехотя полез в карман.

– Ты вот чего, дедуля. Я тебя, так и быть, не выдам. Но лучше бы тебе уйти отсюда. Люди тут ходят, да и вообще... Святое место все-таки!

– Ну-ну, – скривил губастый рот леший. – Что ж, прощевай, дочка. Спасибо на добром слове. Прими и мое напоследок. Берегись блестящих камешков да темных дворов. А пуще всего злого бабьего ока остерегайся.

Не дослушав, девушка нетерпеливо махнула рукой и зашагала прочь.

– Ну-ну, – вновь повторил рыжий, печально глядя ей вслед. – Тучки черные над головонькой твоей, дева. Грозовые. Зловещие. – И озабоченно добавил: – А с охранным полем чей-то решать надо. Надо ж так проколоться. И с чего бы? Не Дивий же Ключ, в самом деле?...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.